

ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

РОБЕРТ ХАРРИС ВТОРОЙ СОН

ИЗДАТЕЛЬСТВО «АЗБУКА»

Звезды мирового детектива

Роберт Харрис

Второй сон

«Азбука-Аттикус»

2019

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Харрис Р.

Второй сон / Р. Харрис — «Азбука-Аттикус», 2019 — (Звезды
мирового детектива)

ISBN 978-5-389-20245-0

1468 год от Воскресения Господня. Кристофер Фэйрфакс, молодой англиканский священник, по поручению епископа отправляется в деревушку, затерянную в глуши Уэссекса. Кристоферу предстоит похоронить старого священника, тридцать лет прослужившего в этом приходе и погибшего при загадочных обстоятельствах. Вынужденный из-за разыгравшейся непогоды задержаться в деревне, Фэйрфакс постепенно начинает понимать, что покойный священник был опасным еретиком, занимавшимся коллекционированием древних реликвий: монет, осколков стекла и кусков пластика – артефактов исчезнувшей цивилизации. И у Кристофера возникает вопрос: не стала ли одержимость прошлым причиной смерти старого священника? Ведь его изыскания ставят под сомнение не только вероучение всемогущей Церкви, но и саму историю человечества... Впервые на русском языке!

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-20245-0

© Харрис Р., 2019
© Азбука-Аттикус, 2019

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	18
Глава 5	26
Глава 6	34
Глава 7	39
Глава 8	45
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Роберт Харрис

Второй сон

Посвящается Сэму

До окончания раннего Нового времени ночной сон у западных европейцев, как правило, делился на две части... по ночам спали в два приема... Начальная фаза сна обычно считается «первым сном»... Следующая фаза получила название «второго», или «утреннего», сна... Продолжительность обеих фаз сна была приблизительно одинаковой, при этом какое-то время после полуночи занимало бодрствование, а затем вновь наступал период отдыха¹.

Роджер Экерч. На исходе дня. История ночи

В окрестных полях и садах нельзя было копнуть землю на фут или два в глубину без того, чтобы не наткнуться на какого-нибудь рослого воина Римской империи, безмолвно спавшего тут вечным сном вот уже полтора тысячелетия. Обыкновенно его находили в меловом слое, в овальном углублении, где он лежал на боку, точно цыпленок в скорлупе, с поджатыми к груди коленями; иной раз при них были остатки копья возле руки, урна у колен, бронзовая фибула или бляха на груди или на лбу, кувшин у горла, бутылка у рта... Они жили так давно, их время было так не похоже на нынешнее, их чаяния и устремления столь разительно отличались от наших, что преодолеть пропасть, пролежавшую между ними и ныне живущими, было бы не под силу даже духу.

Томас Харди. Мэр Кэстербриджа

¹ Перевод А. Сагаловой. – Здесь и далее примеч. перев.

Глава 1

Укромная долина

На излете дня во вторник, девятого апреля лета 1468-го от Воскресения Господня, можно было наблюдать одинокого путника, ехавшего верхом по заросшей вереском пустоши в древней области на юго-западе Англии, со времен саксов известной под названием Уэссекс. На лице молодого человека отражалась озабоченность, и у него, без сомнения, имелись все основания для этого. За последний час с лишним ему не попалось ни одной живой души. До наступления сумерек оставалось всего ничего, а если бы его поймали на улице после наступления комендантского часа, он рисковал бы провести ночь в тюрьме.

Он перестал спрашивать дорогу в небольшом городке Эксфорд, где на рыночной площади, перед трактиром с намалеванным на вывеске лебедем, выпивала группка ражих парней. Они посмеялись между собой над странным выговором путника, передразнивая его манеру отчетливо произносить слова, потом заверили его: чтобы добраться до места назначения, ему надо все время ехать на закат, и только. Однако он уже начал подозревать, что в очередной раз стал жертвой местных шутников. Стоило ему оставить позади стены городской тюрьмы, где покачивались на веревках трое уже начавших разлагаться висельников, перебраться через реку и выехать в чистое поле, как небо на западе обложили тяжелые свинцовые облака, заслонившие закатное солнце. Позади него давным-давно скрылся за горизонтом высокий шпиль эксфордской церкви. Впереди, петляя между девственными лесистыми холмами и ныряя в лощины, поросшие вереском, среди которого там и сям желтели кусты дрока, уходила вдаль дорога.

Через некоторое время вокруг стало очень тихо, что в этих краях нередко предвещает перемену погоды. Все птицы умолкли, даже огромные красные коршуны с до смешного пронзительными голосами, которые преследовали его на протяжении многих миль. Над торфяниками ползли зловещие клочья сырого сизого тумана, обвивая путника холодными щупальцами, и впервые с того дня, когда он спозаранку пустился в путь, его охватило желание помолиться вслух о заступничестве своему святому, который перенес на закорках через реку младенца Христа.

Вскоре дорога пошла вверх по лесистому склону. Чем выше она поднималась, тем хуже становилась, пока не превратилась в две выбитые тележными колесами колеи в комковатой бурой земле, местами присыпанной булыжниками, обломками мягкого аспидно-серого сланца и желтым гравием, между которыми бежали ручейки дождевой воды. В воздухе был разлит аромат диких трав, росших по обеим сторонам дороги – медуницы, мелиссы, чеснока, – а раскидистые ветви деревьев нависали так низко, что ему приходилось пригибаться и отводить их рукой, отчего с листьев обрушивались потоки свежей холодной воды, лившиеся за шиворот и затекавшие в рукава. В сумерках сверкнул изумрудный сполох, послышался крик, и сердце едва не выскочило у него из груди, хотя он почти сразу же сообразил, что это всего лишь обычный длиннохвостый попугай, и с облегчением прикрыл глаза.

Когда он вновь открыл их, впереди маячило что-то коричневатое. Поначалу он принял этот предмет за поваленное ветром дерево. Он утер лицо рукавом и подался вперед в седле, напрягая зрение. Какой-то человек в дерюжном балахоне с капюшоном, похожим на монашеский, толкал перед собой ручную тележку. Путник наподдал коленями по бокам кобылы, понуждая ее прибавить шаг.

– Благослови вас Господь! – крикнул он странному видению. – Я чужеземец.

Человек устремился вперед еще решительнее, делая вид, что ничего не слышит, и ему пришлось повторить свои слова. На этот раз он объехал незнакомца и остановился прямо перед

ним, перегородив узкую тропку. Оказалось, что тележка нагружена тюками с шерстью. Он развязал шнурки, стягивавшие дорожный плащ на шее.

– Я не причиню вам зла. Меня зовут Кристофер Фэйрфакс. – Он оттянул вниз промокающую ткань и задрал бороду, демонстрируя полоску белой материи вокруг шеи. – Я человек Божий.

Сквозь пелену дождя на него глядел, подозрительно шурясь, мужчина, чье худое лицо было залито водой. Наконец капюшон медленно и неохотно опустился, из-под него показалась лысая, как коленка, голова. С блестящей макушки, отмеченной кроваво-красным родимым пятном в форме полумесяца, стекала вода.

– Это дорога на Эддикотт-Сент-Джордж?

Незнакомец почесал родинку, прикрыл глаза, будто изо всех сил напрягал память, потом произнес:

– На Эдкат, что ль?

Фэйрфакс, на котором не осталось ни единой сухой нитки, уже теряя терпение, ответил:

– Ну на Эдкат так на Эдкат.

– Нет. С полмили эдак назад была же развилка. Надо было вам оттудова по другой дороге ехать. – Незнакомец окинул его взглядом. На его лице промелькнуло понимающее выражение – такая неторопливая крестьянская хитреца, словно он оценивал скотину на ярмарке. – Что-то больно вы молоды для этой работенки.

– А по мне так в самый раз! – Фэйрфакс выдавил из себя улыбку и поклонился. – Ступайте с миром.

Он потянул за уздечку и, развернув свою дряхлую серую кобылку, осторожно двинулся обратно по раскисшей тропке, пока не увидел то самое место, где дорога разветвлялась. Заметить развилку, если не знать заранее о том, что ее надо высматривать, было почти невозможно. Значит, негодяи из Эксфорда и в самом деле пытались сделать так, чтобы он заплутал, – шутка, сыграть которую они вряд ли решились бы, если бы знали, что он священник. Надо сообщить местным шерифам. Да, на обратном пути именно так он и поступит. Пускай эти неотесанные деревенские чурбаны ответят за свою выходку по всей строгости закона: тюрьма, штраф, день у позорного столба в качестве мишени для камней и навозных лепешек...

Склон, по которому шла вторая тропа, был еще круче. Высившиеся по обеим ее сторонам вековые деревья клонились друг к другу, точно совещались о чем-то всего в паре ярдов над его головой. Сквозь сплетенные ветви не проникал свет, и внутри этого сырого туннеля казалось, что уже наступила ночь. Лошадь заупрячилась и отказалась везти его дальше. Фэйрфакс обнял ее за шею и прошептал ей на ухо:

– Ну же, Мэй!

Но это была норовистая скотина, упрямая от старости, больше мул, чем лошадь, так что ему в конце концов пришлось спешиться и повести ее в поводу.

Очутившись на земле, он почувствовал себя еще более уязвимым. В поясной суме лежало двадцать фунтов на расходы, которые накануне вечером отсчитал ему звонкой монетой отец настоятель, – а немало путников расставались с жизнью и за вполовину меньшую сумму. Оskalзываясь на раскисшей грязи, Фэйрфакс в очередной раз дернул поводья. Да уж, шутка вышла что надо, с горечью подумал он. Может, епископ редко улыбался, но отказать ему в своеобразном чувстве юмора было никак нельзя. Отправить человека за тридцать миль, на другой конец епархии, с поручением такого рода, да еще и верхом на этой кляче...

Он представил своих собратьев, собравшихся, по обыкновению, на раннюю вечерю: вот они расселись по длинным скамьям в доме капитула перед огромным камином, вот епископ склонил седеющую вытянутую голову в молитве – лицо его, озаренное отблесками огня, цветом по-прежнему напоминает устрицу, маленькие темные глазки искрятся ехидством. «И нако-

нец, мы молимся за нашего брата во Христе, Кристофера Фэйрфакса, который сегодня служит нашей святой матери Церкви... *в чуждеальнем краю!*»

Где-то неподалеку, казалось, заливался звонким смехом бессовестный ручей.

Но вот, когда он начал было отчаиваться, в конце заросшей тропы забрезжило бледное сияние. Через несколько минут, прошедших в вялой борьбе с лошадью, он выбрался на дневной свет, уже начинавший гаснуть, и обнаружил, что находится на вершине холма. Справа от него склон круто уходил вниз. На крохотных полях, обнесенных со всех сторон низенькими каменными оградками, паслись коровы, овцы и козы. Покосившиеся деревянные сараюшки вылиняли после зимних бурь, приобретя унылый серо-бурый оттенок. Далеко внизу, в долине, примерно в миле от него, текла река, через которую был переброшен мост. Возле нее приютилась небольшая деревушка: соломенные, в большинстве своем, крыши, окружавшие церковный шпиль. В темно-серое небо там и сям поднимались белесоватые дымки. Ветер гнал над холмами низкие облака, напоминавшие штормовые волны на море. Дождь перестал. Фэйрфаксу показалось, что на него пахнуло печным духом. Там, внизу, были свет, тепло, общество, еда. Он немедленно представил себе все это воочию. Вечерний воздух после дождя был влажным и свежим, и Фэйрфакс воспрял духом. Даже Мэй смиловилась настолько, что позволила ему вскочить обратно в седло.

Когда они добрались до центра деревушки, уже почти стемнело. Копыта Мэй процокали по горбату каменному мосту на другой берег реки, потом зашлепали по узкой улочке, усеянной грязными лужами. С высоты лошадиного крупа открывался отличный обзор на белые хижины по обе стороны улицы. Перед некоторыми были разбиты небольшие палисадники, обнесенные белыми деревянными заборчиками. Большинство же домов выходило прямо на дорогу. В двух-трех окнах горели свечи, а в одном бледной луной промелькнуло чье-то лицо, тут же скрывшееся за занавеской. Перед кладбищенскими воротами он остановился и поглядел по сторонам. Вымощенная булыжником дорожка вела через погост к крыльцу церкви, которая, должно быть, стояла на этой земле тысячу лет, если не все полторы. На флагштоке, венчавшем шпиль, понуро висел спущенный до середины вымокший флаг Англии, белое полотнище с крестом святого Георгия.

В дальнем конце двора за стеной виднелось обшарпанное двухэтажное строение с соломенной крышей. Приглядевшись внимательней, Фэйрфакс увидел, что на пороге с фонарем в руке стоит, наблюдая за ним, женщина – худая, высокая, одетая в черное. Некоторое время они молча смотрели друг на друга поверх замшелых надгробных камней. Потом женщина слегка подняла фонарь и качнула им. Он вскинул руку, пришпорил кобылу и двинулся на свет фонаря вдоль кладбищенской стены.

Глава 2

Отец Фэйрфакс знакомится с отцом Томасом Лэйси

Женщина без промедления отвела его на второй этаж к отцу Лэйси. Бросив в передней сумку, сняв мокрый плащ и стащив заляпанные грязью башмаки, Фэйрфакс тут же поспешил вслед за ней наверх, по узкой деревянной лестнице, переступая негнувшимися от долгого сидения в седле ногами.

Обернувшись через плечо, женщина на ходу сообщила ему, что она миссис Агнес Бадд, экономка, и что она высматривала его весь день. Несмотря на почтительный тон, Фэйрфакс уловил в ее словах укоризненную нотку.

Перед дверью ему пришлось пригнуться, чтобы не удариться головой о низкую притолоку. В спальне было холодно и пахло хлорной известью. За распахнутым настежь окном синели сумерки; на полу, под решетчатыми створками, собралась лужа дождевой воды. К комоду была прислонена черная крышка гроба. Сам гроб стоял на постели. По обеим сторонам массивной деревянной кровати, на тумбочках, горели свечи; рядом с одной из них лежали книга и очки, будто покойник только что закончил читать. Огоньки свечей дрожали на сквозняке.

Фэйрфакс осторожно приблизился к гробу и, вытянув голову, заглянул внутрь. Худой и длинный труп был погружен в опилки и туго запеленат в тонкий белый льняной саван – ни дать ни взять куколка, из которой вот-вот должна появиться бабочка. Лицо прикрывал кружевной белоснежный платок. Он покосился на экономку. Та кивнула. Он аккуратно, двумя пальцами, взял платок за оба верхних угла и приподнял его.

На своем коротком веку он успел повидать немало трупов. В Англии того времени не сталкиваться с ними было невозможно. Они болтались на веревках в железных клетках, как те злосчастные висельники в Эксфорде, на страх преступникам. Они обнаруживались по утрам под дверями домов или на пустырях, особенно в зимнее время, и лежали там до тех пор, пока кто-нибудь, потеряв терпение, не платил мусорщику и тот не оттаскивал тело. Во время последней вспышки сыпняка Фэйрфакс порой соборовал младенцев, едва успев закрыть глаза их родителям. Но такого он еще никогда не видел. Нос покойника был переломан, вокруг глазниц багровели синяки. На лбу зияла глубокая рана. Правое ухо было наполовину отодрано, точно его рвали зубами. Кто-то определенно пытался привести в порядок обезображенное лицо с помощью свинцовых белил, но все же раны явственно отливали зеленой сквозь пудру. Эффект был неопишуемым. В отличие от большинства священнослужителей, отец Лэйси не носил бороды, и его подбородок покрывала лишь седая щетина.

Фэйрфакс склонился над гробом, собираясь почтительно коснуться губами лба покойника, но, уловив тошнотворный запах разложения, поспешно выпрямился. Старому священнику уже давным-давно следовало лежать в могиле.

– Когда он умер?

– Неделю тому назад, преподобный отец. Погода стояла слишком теплая.

– И в котором часу похороны?

– В одиннадцать, сэр.

– Что ж, боюсь, дальше откладывать нельзя. – Он вернул платок на место, отошел в сторону и перекрестился. – Пусть покоится с миром. Господи, прими душу раба твоего. Аминь.

– Аминь, – эхом отозвалась экономка.

– Подойдите-ка, миссис Бадд. Давайте закроем гроб.

Вдвоем они перенесли тяжелую крышку к кровати и водрузили ее поверх ящика. Добротная работа, хотя и без затей, подумал Фэйрфакс: честный английский дуб, покрытый чер-

ной краской, единственное украшение – латунные ручки по бокам, закрывается достаточно плотно, чтобы сдержать зловоние. Агнес вытащила из-за пояса тряпку и начисто протерла гроб. Оба некоторое время стояли в задумчивости, потом экономка заметила под окном натекшую лужу. Что-то пробормотав себе под нос, она подошла к подоконнику и вытерла воду, после чего высунулась из окна, насухо выжала тряпку и потянулась к створкам окна, чтобы закрыть их, но Фэйрфакс поспешно проговорил:

– Думаю, лучше оставить его открытым.

На лестничной площадке он вытащил носовой платок и сделал вид, что сморкается. Кошмарный запах продолжал его преследовать даже здесь.

– Бедный отец Лэйси! Эти отметины на его лице... Как он заработал такие раны?

– Он получил их, когда упал, сэр.

– Впечатляющее, наверное, было падение.

– С высоты в сотню футов, так они сказали.

– «Они»?

– Ну, те, кто его нашел, сэр, капитан Хэнкок, мистер Кифер, здешний причетник, мистер Ганн, кузнец, и все остальные.

– В какое время суток это случилось?

– Он вышел из дому в прошлый вторник после обеда, в крепких башмаках, с садовой лопаткой в руке, и не вернулся. Его стали искать и в среду вечером принесли тело.

– Он много ходил пешком?

– Да, сэр. По большей части пешком и ходил. Верхом ездил редко-редко. От лошади отказался уже несколько лет тому как.

Агнес отвела Фэйрфакса вниз, в гостиную. В камине еле горел слабый огонь, не способный обогреть промозглую комнату. Посередине комнаты стоял стол с одним прибором.

– Подать вам ужин, преподобный отец?

Еще час назад Фэйрфакс умирал с голоду. Теперь же его мутило при одной мысли о еде.

– Спасибо, но мне нужно сперва позаботиться о лошади.

Он пошел обратно по каменной галерее, мысленно прикидывая, как половчее сбежать. Как же назывался тот постоялый двор на подъезде к Эксфорду, в котором он останавливался по пути сюда? А, точно, «Лебедь». Если похороны начнутся в одиннадцать, он сможет выехать в час и к ужину непременно будет в «Лебеде».

На входной двери висел новенький блестящий замок, тяжелый с виду. Он открыл его и вышел в небольшой садик. В свежем, хрустальном после дождя воздухе терпко пахло влажной травой и древесным дымом. Мэй нигде не было. Он оставил ее на привязи у ворот. Неужели в спешке он плохо привязал ее? Фэйрфакс огляделся по сторонам. Во всей деревушке не виделось ни огонька. От тишины, какая бывает только в деревне, точно ватойаложило уши.

– Не утруждайтесь, преподобный отец, – слышался за спиной у него голос Агнес, и от неожиданности он даже вздрогнул. – Роуз поставит ее в стойло.

– Вы очень добры. Поблагодарите ее от моего имени.

Его охватило смутное раздражение, хотя он и сам не смог бы точно сказать, почему именно. Он подхватил свою сумку и следом за экономкой двинулся обратно в гостиную.

– А теперь, миссис Бадд, – начал он, стараясь говорить деловым тоном, – с вашего позволения, давайте уладим кое-какие вопросы. – Он водрузил сумку на стол, порылся в ней, вытащил ручку в чехле и несколько стопок бумаги. – Начнем с главного... – Он улыбнулся ей, пытаясь слегка разрядить обстановку. – Найдутся ли в этом доме чернила?

– И что же это за вопросы?

Женщина глядела настороженно. Интересно, сколько ей лет, подумал Фэйрфакс. Около пятидесяти, наверное. Землистая кожа, невыразительные черты лица, уже поседевшие волосы, красные – по всей видимости, от слез – глаза. Горе, конечно, очень старит, подумал он, вне-

запно испытал жалость. До чего же мы, бедные смертные существа, уязвимы под личиной напускного самообладания.

– Мне поручено, в числе прочего, произнести на похоронах отца Лэйси надгробную речь – задача нелегкая даже в том случае, когда ты знал покойного, и еще более трудная, если ты не был с ним знаком. – Он произнес эти слова с таким видом, будто знал, о чем рассуждал, хотя, по правде говоря, ему никогда в жизни не доводилось служить панихиду и сочинять надгробную речь. – Посему мне необходимо узнать кое-какие простые факты. Итак... что там с чернилами? Полагаю, у священника были чернила?

– Да, сэр, чернила у него были, и даже в избытке.

Агнес, явно оскорбленная в лучших чувствах, удалилась – по всей видимости, пошла за чернилами.

Фэйрфакс сел за стол, взялся за край столешницы и обвел комнату взглядом. Над камином висел простой деревянный крест. В свете свечей казалось, что стены окрашены в тусклый буро-рыжий цвет. Они заметно наклонялись внутрь, а потолок в центре провисал. И тем не менее комната производила впечатление глубокой основательности и старины, как будто все здесь законсервировалось столетия назад и с тех пор не менялось. Ему представились поколения священнослужителей: должно быть, те сидели на этом самом месте, – вероятно, не один десяток, – тихо служа Господу в этой глухомани, неизвестные, всеми забытые. При мысли о таком самоотверженном служении его охватило ощущение собственного ничтожества, поэтому, когда вернулась Агнес, он попытался продемонстрировать смирение, собственноручно принеся второй стул и усадив экономку за стол напротив себя; голос его, когда он обратился к ней, звучал необычайно мягко.

– Прошу прощения, но мне нужно это знать: сколько времени отец Лэйси пробыл в здешнем приходе?

– В январе тридцать два года минуло.

– Тридцать два года? Это ж без малого треть века! Целая жизнь! – Фэйрфаксу нечасто доводилось слышать о столь длительном пребывании в должности. Он обмакнул перо в чернильницу и сделал пометку. – А родные у него были?

– Был брат, да умер много лет назад.

– А вы сколько у него прослужили?

– Двадцать лет.

– И ваш муж тоже?

– Нет, сэр, я давно уж вдова, но у меня есть племянница, Роуз.

– Та самая, что позаботилась о моей лошади?

– Она живет тут, в доме, вместе с нами, то есть я хотела сказать, со мной.

– А что будет с вами обеими теперь, когда отца Лэйси не стало?

Он тут же пришел в смятение – глаза женщины наполнились слезами.

– Не могу сказать, сэр. Все случилось так внезапно, я об этом еще не думала. Быть может, новый священник пожелает оставить нас при себе. – Она с надеждой посмотрела на него. – Вы смените отца Лэйси?

– Я?! – Фэйрфакс едва не рассмеялся над нелепой мыслью о том, что он может заживо похоронить себя в этой глуши, но осознал, насколько невежливо это будет выглядеть, и сдержался. – Нет, миссис Бадд. Я самый ничтожный из людей епископа. У меня есть обязанности в соборе. Мне поручено только отслужить панихиду. Но я сообщу о положении дел в епархию. – Он сделал еще одну пометку и откинулся на спинку стула, потом задумчиво сунул в рот конец ручки и устремил на экономку внимательный взгляд. – Разве никто из местных священников не мог провести церемонию?

Этот же самый вопрос он задал епископу Поулу накануне, когда ему поручили эту задачу, – разумеется, куда более дипломатичным языком, поскольку епископ не привык, чтобы

его распоряжения оспаривались. Но тот лишь поджал тонкие губы и уткнулся в бумаги, пробормотав, что Лэйси, мол, был человеком своеобразным и не пользовался любовью коллег из соседних приходов. «Я был знаком с ним в молодости. Мы вместе учились в семинарии. Но с тех пор наши пути разошлись». Он в упор взглянул на Фэйрфакса. «Это отличная возможность для вас, Кристофер. Дело несложное, однако требует определенной гибкости. За день, думаю, обернетесь. Я полагаюсь на вас».

Агнес принялась внимательно рассматривать свои руки.

– Отец Лэйси не имел никаких сношений со священниками из окрестных долин.

– Почему?

– У него был свой путь.

Фэйрфакс нахмурился и слегка подался вперед, будто не до конца расслышал ее слова.

– Прошу прощения. Я не вполне вас понимаю. В каком смысле – свой путь? Существует лишь один истинный путь. Все прочее – ересь.

Экономка упорно отказывалась смотреть ему в глаза.

– Тут я вам ничего не скажу, преподобный отец. Я в подобных вещах не сильна.

– А что насчет отношений с прихожанами? Паства его любила?

– О да. – (Пауза.) – По большей части.

– Но не все?

На сей раз она ничего не ответила. Фэйрфакс отложил ручку и потер глаза. Внезапно на него навалилась усталость. За что ему это наказание, пусть даже в обертке епископской милости: ехать восемь часов, чтобы похоронить безвестного клирика – хорошо еще, если не еретика, которого явно недолюбливала добрая часть паствы? Зато никто не расстроится, если надгробная речь окажется не слишком длинной.

– Думаю, – произнес он с сомнением в голосе, – я могу ограничиться общими словами: о достойно прожитой жизни, посвященной служению Господу, ну и так далее. Сколько ему было лет, когда он погиб?

– Немало, сэр, но на здоровье он не жаловался. Пятьдесят шесть годков.

Фэйрфакс прикинул в уме. Если Лэйси прослужил в здешнем приходе тридцать два года, значит приехал сюда в двадцать четыре. Столько сейчас ему самому.

– Получается, Эддикотт был его единственным приходом?

– Да, сэр.

Он попытался представить себя на месте старого священника. Если бы его сослали в такую глушь, он просто-напросто свихнулся бы. Возможно, с годами именно это и произошло. В то время как Поул возвысился до епископского сана, Лэйси бросили гнить тут. Идеалист с пылким сердцем очерствел в одиночестве и превратился в закоренелого мизантропа.

– Третий века! Должно быть, ему тут нравилось.

– О да, очень нравилось. Он ни за что не уехал бы отсюда по собственной воле. – Агнес поднялась. – Вы, должно быть, страх как проголодались, преподобный отец. Я приготовила вам поесть.

Глава 3

Фэйрфакс решает лечь пораньше и делает пугающее открытие

Она подала ему скромный ужин, состоявший из кролика и тушеных бараньих сердец, а также бутылку крепкого темного эля, который, по ее словам, отец Лэйси сварил собственноручно. Он пригласил экономку разделить с ним трапезу, но та отказалась, сославшись на то, что нужно еще готовить закуски для поминок. Роуз за все это время так и не показалась.

Поначалу Фэйрфакс принялся за еду с неохотой. Но – вот парадокс! – с каждым новым куском, который он с опаской отправлял в рот, аппетит у него разыгрывался все больше и больше, так что количество съеденного оказалось изрядным. Он промокнул губы салфеткой. У всего, что происходит, есть цель, ведомая одному лишь Господу. Он должен извлечь из этой ситуации максимальную выгоду, в противном случае епископ будет разочарован. Да и потом, у него будет в запасе занимательная история, которую можно рассказать в трапезной.

Он подобрал в огонь еще одно небольшое полено в попытке заставить холод отступить, потом вернулся за стол, сдвинул тарелку и достал Библию и молитвенник. Чиркнув спичкой, он зажег трубку и откинулся на спинку стула. Впервые за все время он обратил внимание на чернильницу – или, вернее, на пузырек с чернилами. Он взял его в руку и поднес к пламени свечи. Пузырек был диковинного вида, три дюйма длиной и дюйм шириной, из толстого прозрачного стекла, с рифлеными стенками. В двух третях высоты, считая от горлышка, имелась неглубокая заостренная вставка, очень удобная: чернила скапливались в узком конце резервуара. Он никогда не видел ничего подобного. Вещица явно древняя. Интересно, как она попала к старому священнику?

Он поставил пузырек на стол и начал писать.

Тишину нарушало лишь тиканье высоких напольных часов в коридоре. Фэйрфакс погрузился в работу. Последний наказ, который Христос дал апостолам перед вознесением, был таким: оставаться в святом граде и в благочестивых размышлениях ждать пришествия Господня. Не так ли поступил и Лэйси? Смирненно оставался там, куда был назначен, и ждал, пока Господь не явит Себя? Да, пожалуй, он нащупал нить.

Около часа спустя Агнес пришла убрать со стола. Когда она вернулась с кухни, то объявила, что идет спать.

– Я постелила вам в кабинете отца Лэйси.

Она принялась обходить комнату, гася свечи. Фэйрфакс задался вопросом, который теперь час. Девять? Обыкновенно в это время он только приходил, вместе с остальной братией, в часовню на вечернюю службу. Впрочем, он не стал возражать, хотя и не привык ложиться так рано. Надгробную речь можно закончить и с утра. К тому же из Эксетера он выехал чуть ли не затемно и чувствовал себя совершенно разбитым. Он сложил свои принадлежности обратно в сумку и выбил трубку, постучав ею о стенку камина.

Кабинет оказался более тесным и захламленным, чем гостиная. Агнес внесла две сальные свечи, поставив одну на краю письменного стола. Растопленный жир шипел и потрескивал. Желтое пламя осветило диван с тонкой подушкой и стеганым одеялом: без сомнения, его сшила экономка, работая нескончаемыми зимними вечерами. В полумраке, там, куда не дотягивался свет, Фэйрфакс различил смутные очертания заставленных книгами полок, бумаг, украшений. Шторы были уже задернуты.

– Надеюсь, вам будет удобно. Там наверху всего две комнаты. В одной живем мы с Роуз, а в другой лежит преподобный отец. Конечно, – добавила она, – ежели хотите, так можно переставить гроб на пол.

– Нет-нет, – поспешно заверил он экономку. – Кабинет меня более чем устраивает. Это же всего на одну ночь. – Фэйрфакс опустился на диван. Тот оказался жестким и твердым. Фэйрфакс улыбнулся. – Я так устал, что, клянусь, заснул бы даже стоя. Храни вас Бог, миссис Бадд.

– И вас, преподобный отец.

Экономка удалилась. Заскрежетал засов – она заперла входную дверь, затем под ее ногами закрипели ступени лестницы, что вела наверх. Фэйрфакс различил ее шаги у себя над головой. Он произнес молитву («Тебе, Господь, веряю...») и улегся на диван. Однако не прошло и минуты, как он снова сел. По меньшей мере кварта крепкого эля давила на мочевой пузырь, и он испытывал настоятельную потребность облегчиться. Он пошарил рукой под диваном в поисках ночного горшка, но обнаружил лишь клубы пыли.

Взяв со столика свечу, он вышел в коридор. Его башмаки стояли у входной двери. Он подхватил их и на цыпочках двинулся мимо гостиной и кабинета вглубь дома. В кухне стоял теплый хлебный дух. Под муслиновыми тряпицами угадывались очертания разнообразных блюд, которые Агнес, по всей видимости, наготовила для поминок. Фэйрфакс уселся на стул у задней двери и принялся натягивать башмаки.

За дверью царили непроницаемая темнота и полная тишина. У него, привыкшего к ежечасному колокольному звону и огням большого города, к ночным бдениям и топоту ног, к гомону моряков в доках, удиравших от обходящих город дозором шерифов, от этой пустоты чуть было не закружилась голова, как будто он вдруг очутился на краю вечности.

Земля же была безвидна и пуста, и тьма была над бездною².

Пытаться найти уборную было гиблым делом. Фэйрфакс сделал несколько осторожных шагов, поставил подсвечник во влажную траву, задрал сутану, спустил подштанники и, расставив ноги, принялся орошать неведомо что. Журчание крепкой струи – ритмичное и недвусмысленное – наверняка было слышно на другом конце долины, не говоря уже о втором этаже дома: ему представилось, как Агнес и Роуз в ужасе съеживаются в своей комнате. И вновь он с огромным трудом удержался от смеха.

Фэйрфакс стряхнул последние капли, привел в порядок одежду, поднял с земли свечу и, пошатываясь, двинулся обратно к двери. Дерево было таким же старым, как и сам дом, но замок – это бросалось в глаза – выглядел новеньким, как и замок на парадной двери. Подобно многим горожанам, Фэйрфакс пребывал в романтической убежденности, что в деревне никто и никогда не запирает дверей. По всей видимости, здесь, в Эдикотт-Сент-Джордже, придерживались иных взглядов.

Он вернулся в кабинет, снял сутану, рухнул на диван и мгновенно уснул.

Что-то разбудило его. Он не мог понять, что именно. В комнате стояла такая темень, что глаза можно было не открывать – все равно никакой разницы. Ощущение, как будто он ослеп или оказался похоронен заживо. Если свеча догорела, значит прошло уже несколько часов, и тело, по обыкновению, разбудило его после первого сна.

Ему показалось, что он слышит мужской голос, бормочущий что-то неразборчивое. Он напряг слух. Последовала пауза, затем голос раздался снова. Фэйрфакс приподнялся на локте. Теперь к первому голосу присоединился второй. Двое мужчин о чем-то разговаривали на распевном местном диалекте со всеми этими «ежели» и «коли», негромко, неотчетливо, почти напевно – так гудят пчелы. Они стояли прямо у него под окном.

Он встал с дивана и некоторое время стоял, покачиваясь, пытаясь стряхнуть с себя остатки сна. Потом осторожно двинулся вперед и немедленно ударился коленом о край стола.

² Бытие, 1: 2.

Он чуть не выругался, но быстро захлопнул рот, потер ушибленное колено, затем вытянул руку и принялся ощупью продвигаться вдоль стены, пока не коснулся материи. Он погрузил в нее пальцы, точно слепой крот, нащупывая щель, раздвинул занавеси, провел ладонями по маленьким ромбикам холодного стекла, нащупал ручку, открыл окно и высунул голову.

Разговаривавшие уже ушли. В темноте, справа и чуть ниже окна, покачивались два фонаря. Судя по всему, окно выходило в переулок, тянувшийся вдоль стены дома в направлении церкви. За двумя фонарями виднелись другие, более тусклые огни: одни двигались, другие нет. Вдалеке залаяла собака. Потом прогремели колеса телеги.

Над головой у него заскрипели половицы. Он закрыл окно и все так же ощупью двинулся по комнате к двери. Распахнул он ее ровно в тот миг, когда на нижней ступеньке лестницы показалась Агнес. В руке она держала свечу. Волосы ее были намотаны на папилютки. Поверх ночной сорочки было накинуто уличное пальто – при виде священника она немедленно запахла его поплотнее.

– Батюшки, отец Фэйрфакс, вы меня страх как напугали!

– Который час, миссис Бадд? Почему все разгуливают по улицам, будто так и надо?

Она слегка повернулась и поднесла свечу к циферблату стоячих часов:

– Два часа, сэр, как обычно.

– У нас в Эксетере между первым и вторым сном принято оставаться у себя в комнате. А здесь, я смотрю, все высыпали на улицу. Как же комендантский час? Они что, хотят, чтобы их выпороли?

– Комендантский час тут никто особо не соблюдает.

Она старательно избегала смотреть на него, и Фэйрфакс запоздало сообразил, что из одежды на нем – только подштанники и нательная рубаха. Он вернулся обратно в кабинет и произнес из-за двери:

– Прошу вас простить меня за нескромный вид. Эти полуночные блуждания... этот обычай для меня в новинку. Могу я попросить еще одну свечу? Или даже две, если возможно?

– Подождите тут, сэр, я сейчас принесу.

По-прежнему не глядя на него, экономка направилась в кухню. Он на ощупь отыскал в темноте свою сутану и, накинув ее, непослушными со сна пальцами застегнул пуговицы – кое-как, через одну.

– Вот ваши свечи, преподобный отец.

Она поставила их на пол перед дверью кабинета и поспешно удалилась.

Фэйрфакс забрал обе, закрыл дверь и поставил одну свечу на стол. Вместо того, чтобы, по обыкновению, провести перерыв между двумя снами в благочестивых размышлениях, он решил поработать над зауспокойной речью. Что способно рассказать о человеке лучше, чем его библиотека? Он принялся внимательно изучать книжные полки.

У отца Лэйси была сотня, если не больше, книг, в том числе явно старинные. Особого внимания заслуживала поразительная подборка томов, вышедших из-под пера бесчисленных ученых, посвятивших свою жизнь изучению Апокалипсиса. Фэйрфакс принялся водить пальцем по корешкам: «Грехопадение»... «Всемирный потоп»... «Разрушение Содома и Гоморры»... «Гнев Господень и Вавилон»... «Десять казней Египетских»... «Саранча Авaddon»... «Озеро Огненное»...

Каким, должно быть, угрюмым человеком был покойный, подумалось ему. Ничего удивительного, что соседи-священники его сторонились.

Фэйрфакс наугад взял с полки фолиант, озаглавленный «Семь чаш гнева Божия. Толкование Откровения 16». Страницы сами раскрылись у него в руках на отчеркнутом отрывке:

«И он собрал их на место, называемое по-еврейски Армагеддон.

Седьмой Ангел вылил чашу свою на воздух: и из храма небесного от престола раздался громкий голос, говорящий: совершилось!

И произошли молнии, громы и голоса, и сделалось великое землетрясение, какого не бывало с тех пор, как люди на земле. Такое землетрясение! Так великое!

И город великий распался на три части, и города языческие пали»³.

Закрыв фолиант, он вернул его на полку. Подобная коллекция выглядела бы уместно в епископской библиотеке; наткнуться же на нее в доме простого священника в этой глуши было неожиданностью.

Он снова взял подсвечник и перешел ко второму книжному шкафу, где его взгляд немедленно привлекла полка, заставленная небольшими томиками в светло-коричневых переплетах. Он поднес свечу к самым корешкам – «Записки и протоколы заседаний Общества антикваров» – и в тот же миг с него разом слетели остатки сна: он мгновенно узнал это название, хотя во время судебных процессов был совсем мальчишкой. Общество объявили еретическим, всю его верхушку бросили в тюрьму, публикации изъяли и публично предали сожжению, и даже на употребление слова «антиквар» был наложен запрет. Ему вспомнилось, как священники в семинарии разводили костер на главной площади Эксетера. Была середина зимы, и горожан равно поразили жар костра и фанатизм гонителей. Тем не менее по меньшей мере одно собрание трудов общества уцелело – и не где-нибудь, а в Эддикотт-Сент-Джордже!

Некоторое время Фэйрфакс в смятении смотрел на полку. Там стояли девятнадцать томов. На месте двадцатого зияла узкая щель. Какое значение это имело для его завтрашней миссии? Лэйси был еретиком: теперь в этом не оставалось никаких сомнений. Но можно ли, зная о таком, хоронить еретика в освященной земле? Может, следует отложить погребение, хотя труп уже начал разлагаться, и обратиться к епископу за новыми указаниями?

Фэйрфакс тщательно все обдумал. Это был молодой человек с практическим складом ума. Рвение его более юных собратьев-священников, со всклокоченными волосами и бородами, с безумным огнем в глазах, вынюхивавших богохульство столь же рьяно, как водяная собака – трюфели, было ему не по душе. Ему поручили сделать все быстро и аккуратно. Следовательно, разумнее всего действовать в соответствии с планом и сделать вид, что он ничего не знает. Ведь никто не сможет доказать обратного, а уж свою совесть перед Господом и епископом он как-нибудь очистит.

Придя к такому решению, он продолжил осмотр кабинета. Ложному учению были полностью посвящены еще две полки. А еще – труды о древних могильниках, об артефактах, о письменах, о памятниках... Его изумляла дерзость старого священника, который совершенно открыто держал у себя такие книги. Создавалось впечатление, что эта уединенная долина, где царил полное презрение к комендантскому часу, существовала вне времени и закона. На одной из полок обнаружился толстый фолиант, посвященный английским развалинам и озаглавленный «*Antiquis Anglia*», за авторством некоего доктора Николаса Шедуэлла, председателя Общества антикваров. Фэйрфакс быстро провел свечой вдоль корешков. Его подмывало задержаться на каждом подольше, но усилием воли он заставил себя не разглядывать их слишком пристально и перешел к шкафу-витрине в углу кабинета.

То был деревянный шкаф, высотой по грудь человеку, с застекленными дверцами. Стекло явно изготовили в старину – совершенно гладкое и прозрачное, без эффекта ряби, в отличие от современного. Поперек правого верхнего угла змеилась трещина. Полки тоже были из первоклассного стекла, и в свете свечи создавалось впечатление, будто предметы, которые стояли на них, волшебным образом парят в воздухе. Все это воспрещалось хранить у себя: монеты и пластовые банкноты Елизаветинской эпохи, ключи, золотые кольца, ручки, стеклянная посуда,

³ Откровение апостола Иоанна Богослова, 16: 16–19.

сувенирная тарелка, выпущенная в честь бракосочетания монаршей четы, тонкие металлические банки, пучок пластиковых соломинок, пластиковый свивальник с выцветшими изображениями аистов, несущих в клювах младенцев, белая пластиковая посуда, пластиковые бутылочки всех форм и размеров, игрушечные пластиковые кубики, плотно пригнанные один к другому, ярко-желтого и красного цветов, моток зеленовато-голубой пластиковой лески, телесного цвета пластиковый младенец, у которого отсутствовали глаза. На верхней полке стояло, снабженное прозрачной пластмассовой подставкой, то, что, по всей видимости, было жемчужиной коллекции: одно из устройств, посредством которых древние общались между собой.

Фэйрфаксу уже доводилось прежде видеть фрагменты таких устройств, но целое, да еще настолько сохранный – никогда. Руки сами потянулись к нему. Не удержавшись, он открыл шкафчик и достал устройство – тоньше его мизинца, черное, гладкое и блестящее, сработанное из пластика и стекла. Оно легло в ладонь как влитое, оказавшись приятно-увесистым. Интересно, кому оно принадлежало и как оказалось у старого священника? Что за изображения передавало? Какие звуки производило? Он нажал кнопку на передней панели, как будто штурковина могла волшебным образом ожить, но глянцевая поверхность осталась совершенно черной и мертвой; он видел лишь отражение собственного лица, в свете свечи казавшееся прозрачным. Фэйрфакс перевернул устройство. На обратной стороне красовался главный символ гордыни и богоотступничества древних – надкушенное яблоко.

Глава 4

Среда, 10 апреля. Непредвиденное происшествие на похоронах

Он задул свечу и, вернувшись обратно в постель, натянул стеганое одеяло до самого подбородка. Оказалось, что в темноте проще выбросить из головы многочисленные доказательства еретических взглядов старого священника. И впрямь, Фэйрфакс так устал, что, несмотря на все волнения сегодняшнего дня и вечера, неудобный диван очень скоро, казалось, растворился под ним, и его дыхание стало глубоким и размеренным.

Второй сон был наполнен сновидениями больше первого, хотя впоследствии он не смог вспомнить ни одного, кроме последнего – повторяющегося кошмара, который начался вскоре после того, как родители и сестра умерли от потницы, а его самого отправили жить к пожилому дяде. Снилось ему всегда одно и то же: он, босой, блуждал по незнакомой местности в поисках нужной улицы, нужного дома, нужной двери. И лишь когда после многочасовых поисков он находил ее – убогую развалюху в бедном квартале – и, взломав замок, врывается внутрь, перед ним вновь появлялись его родные. Они безмолвно протягивали к нему руки, и в этот миг Фэйрфакс неизменно просыпался.

Его глаза распахнулись. В комнате плавал серый рассветный сумрак. Где-то на краю сознания забрезжило смутное беспокойство, он повернул голову и различил расплывчатые очертания застекленного шкафчика с парящими внутри предметами. К нему мгновенно вернулись воспоминания прошлой ночи.

Он отбросил одеяло и опустился на колени рядом с диваном. Костяшки молитвенно сжатых рук побелели от напряжения. *Благодарю тебя, Отец мой Небесный, за то, что позволил мне увидеть еще один день. Дай мне, молю Тебя, силы, дабы сопротивляться искусу, и благочестие, дабы служить Тебе к вящей славе Твоей сегодня и до скончания веков. Аминь.*

Старательно отводя глаза от книжных полок и шкафа, он поднялся, раздвинул шторы и открыл маленькое окно. Воздух был прохладным и влажным, неподвижным, тихим. В конце переулочка виднелась церковь с повисшим на шпиле флагом, за ней – деревушка, а еще дальше, вздымаясь, точно волны, уходили вдаль крутые склоны долины, где под низким хмурым небом там и сям белели кудрявые овцы.

На столике у окна для него уже были приготовлены кувшин с водой, таз, небольшое зеркальце, полотенце и кусок старомодного черного мыла, от которого разило поташом. Фэйрфакс не смог заставить себя воспользоваться им. При мысли о том, что от него будет весь день исходить этот едкий дух, ему немедленно вспомнилась семинария: промозглое утро, он, ежась от холода в одном исподнем, стоит в очереди к колонке, чтобы умыться...

Он ополоснул лицо холодной водой и провел мокрыми руками по волосам и бороде, после чего окинул взглядом свое отражение в зеркале. Как и все священники, он носил бороду. Она была такой же густой и темной, как и волосы. Фэйрфакс тщательно следил за тем, чтобы борода была подстрижена скобкой, по современной моде, однако это почему-то не придавало его облику солидности. Кожа, бледная после зимних месяцев, проведенных по большей части в стенах собора, была слишком нежной, а в глазах сквозил явный избыток юношеского пыла. Он попробовал насупить брови, но решил, что его отражение выглядит глупо.

Часы в коридоре показывали самое начало седьмого. С кухни доносился звон горшков и кастрюль.

– Доброе утро! – крикнул он и прошел в гостиную, где его уже ждал накрытый к завтраку стол.

Окно комнаты выходило прямо на тележную колею, которая служила главной улицей деревни. Женщина осторожно несла на голове массивный кувшин – по всей видимости, ходила за водой к общественному колодцу. Мужчина в халате вел за собой мула. Они обменялись приветствиями и дальше пошли вместе. Фэйрфакс провожал их взглядом, пока они не скрылись из виду.

За спиной у него послышался шум, и он обернулся. Молодая женщина ставила на стол тарелку. Он даже не слышал, как она вошла. Почему-то он представлял себе племянницу миссис Бадд ничем не примечательной деревенской тетехой. Но она оказалась тоненькой, с бледным правильным лицом, большими голубыми глазами и перехваченными голубой ленточкой пышными черными волосами, которые подчеркивали ее длинную нежную шею. На ней было траурное одеяние, делавшее ее облик еще более ослепительным, и Фэйрфакс забеспокоился: не слишком ли он на нее засмотрелся? Придя в себя после некоторого замешательства, он преувеличенно бодрым тоном произнес:

– Доброе утро! Вы, должно быть, Роуз? Поистине луч солнца в непогожий день!

Девушка оглянулась и, не сказав ни слова, ретировалась.

Когда стало понятно, что возвращаться она не собирается, Фэйрфакс сел за стол и уныло уставился на тарелку с холодной бараниной и сыром. Какая трагедия – обладать пылкой натурой, не имея никакой возможности дать ей выход! Как следствие, у него не было ни сноровки, ни опыта в общении с женщинами. В соборе его окружали одни мужчины: целомудрие было главным ограничением, налагаемым на священнослужителей. В глубине души он сожалел об этом запрете, но прикладывал все усилия к тому, чтобы соблюдать его, и ни разу не усомнился в его необходимости. И все же говорили, что до Апокалипсиса большинство священников в Англии были женаты, а в последние десятилетия женщинам даже дозволялось совершать службы! Наверняка это кощунство стало не последней причиной, по которой на мир обрушился гнев Божий.

Дверь снова распахнулась, и Фэйрфакс поспешно обернулся в надежде заглядеть свою промашку. Однако это была всего лишь Агнес, которая принесла чайник.

– Доброе утро, преподобный отец.

– Доброе утро, миссис Бадд.

– Чайку выпьете? Отец Лэйси предпочитал корнский, но у нас есть и горный, коли пожелаете.

– Корнский меня вполне устроит. – Он стал смотреть, как Агнес осторожно наливает чай в чашу, одной рукой обхватив ручку чайника, а другой придерживая крышку. – Боюсь, я невольно напугал вашу племянницу.

– О, не обращайтесь на нее внимания. Она робкая, как олененок.

– И тем не менее я был бы рад поговорить с ней. О печальных переменах в ее жизни.

– Вот чего не выйдет, того не выйдет.

– Это почему же?

– Она не говорит.

– Что, совсем?

– Да, она немая от рождения.

Теперь ему стало еще более неловко за свою бестактность.

– Печально это слышать.

– На все Божья воля, преподобный отец.

– И сколько же ей лет?

– Восемнадцать.

Когда Агнес удалилась, он обхватил обеими руками чашу с чаем и попытался представить, что станет с бедной девушкой после того, как она лишится крова. Вернется к родным? Примут ли они ее обратно? Немую, скорее всего, будет непросто выдать замуж, несмотря на ее

внешность. Может, все-таки попросить епископа, чтобы приход отдали ему? Фэйрфакс представил, как они втроем будут жить в этом доме. Мало-помалу он своей добротой завоеует ее доверие. Быть может, долгими зимними вечерами они вместе смогут побороть ее недуг. А он, ежедневно, ежечасно смиряя плоть и противостоя искусу, сможет стать ближе к Богу. Разве такая жизнь настолько уж плоха?

К тому времени, когда чай был допит, Фэйрфакс почти убедил себя в том, что в его судьбе должен произойти этот невероятный – можно даже сказать, отмеченный подвижничеством, – поворот, и, обнаружив, что у него не на шутку разыгрался аппетит, набросился на завтрак.

Он принес из кабинета сумку, плотно закрыл дверь, перекрестился и вернулся в гостиную, чтобы дописать свою речь. После открытий, совершенных им между первым и вторым сном, это стало куда более сложной задачей, и следующие два часа он провел в попытках увязать учение Церкви с тем, что узнал об отце Лэйси. Он грел руки своим дыханием. Выкуривал трубку за трубкой. Время от времени он прерывался, чтобы выглянуть в окно. Светлее за ним не становилось. Наоборот, становилось темнее. В конце концов пошел дождь – не вчерашняя морось, больше похожая на водяную дымку, а натуральный ливень, который барабанил по крыше и превращался в водопады, перехлестывавшие через края водосточных желобов.

Агнес все утро сновала между кухней и церковью с тарелками в руках. В конце концов она принесла ему свечу. Вдруг издалека донесся глухой рокот, раскатившийся по всей долине.

Фэйрфакс вскинул голову:

– Гром?

– Да откуда ж взяться грому без молнии, преподобный отец. Это в каменоломне что-то взрывают.

– В такую непогоду?

Экономка ничего не ответила. Взгляд ее был прикован к чему-то за окном. Из боковой калитки в кладбищенской ограде выходили пятеро мужчин, пригибая головы в капюшонах, чтобы защититься от дождя. Четверо, одетые в темные воскресные костюмы, явно чувствовали себя не в своей тарелке; на пятом был красный стихарь алтарника. Они торопливо пересекли дорожку и двинулись по направлению к дому.

– Ну вот, пришли за ним. Уже почти пора.

Агнес пошла открывать дверь. До Фэйрфакса донеслись голоса – почтительно приглушенные – и топот сапог у порога: пришедшие старательно стряхивали с подошв грязь и воду. Потом на лестнице послышались тяжелые шаги. На пороге вновь показалась Агнес, за ее спиной стоял облаченный в красное служитель. Фэйрфакс поднялся на ноги.

– Преподобный отец, это Джордж Кифер, наш причетник.

Она отступила в сторону, чтобы дать ему пройти.

Фэйрфакс мгновенно узнал эту лысую голову с родинкой в форме полумесяца. Кифер протянул руку.

– Выходит, вы все-таки отыскали нас, преподобный отец.

– В конечном счете да.

Фэйрфакс пожал его широкую влажную ладонь.

Агнес с изумлением воззрилась на них.

– Вы знаете друг дружку?

– Встретились вчера на дороге, – пояснил Фэйрфакс.

– Я бы сам вас проводил, – сказал Кифер, – да не поспел бы шерсть на мануфактуру отвезти. – Сверху послышался стук молотка, и он вскинул глаза к потолку. – Я сказал, чтобы гроб заколачивали. Он пролежал тут неделю, и все, кто хотел с ним попрощаться, уже это сделали. Верно, Агнес?

– Ты у нас причетник, Джордж, – холодно ответила та.

Из-за лысины определить возраст Кифера было сложно. Вне всякого сомнения, он был моложе, чем казался. Наверное, между двадцатью и тридцатью. Впрочем, сколько бы лет ни было Киферу, Фэйрфаксу очень не понравилось поведение служителя: захотелось отчитать его за вчерашнюю неприветливость, особенно если учесть, что тот был причетником, а он, Фэйрфакс – рукоположенным священником. Следовало догадаться, что Фэйрфакс едет хоронить отца Лэйси. Однако приглушенный стук молотка наверху напомнил о том, что у него есть дела поважнее, нежели защита своего оскорбленного достоинства.

– Что ж, мистер Кифер, полагаю, нам стоит обсудить панихиду. – Он сверился со своими записями. – Я выбрал два гимна: «Из сердца нашего Отца» и «Твердыня наша – вечный Бог». Но, может, отец Лэйси предпочитал другие песнопения?

– Да кто ж его знает, – пожал плечами Кифер.

– Тогда решено. А читать будем Первое послание к Коринфянам: «Не все мы умрем, но все изменимся». Это соответствует традиции и подобает случаю.

– Как скажете.

– Кто будет читать?

Кифер почесал голову:

– Леди Дарстон наверняка придет. Дарстоны по традиции занимают первый ряд. Она хорошо знала старика.

– Отлично, тогда попросим леди Дарстон. Возможно, еще кто-нибудь пожелает произнести речь?

– Мы тут к речам не слишком привычны.

Конец их разговору положил похоронный звон церковного колокола. Если в христианском мире и существовал более безрадостный звук, Фэйрфакс от души надеялся никогда его не услышать. За каждым приглушенным ударом следовал интервал в три-четыре секунды, затем он раздавался снова – плач по умершему: настойчивый, неотвратимый, беспощадный.

– Сколько сейчас времени, миссис Бадд? – спросил Фэйрфакс.

Та оглянулась на часы в коридоре:

– Без четверти одиннадцать, преподобный отец.

– Пора начинать. Оставьте меня одного, пожалуйста.

Когда они удалились, Фэйрфакс открыл сумку и достал свое облачение. Натянув через голову белый стихарь, он обеими руками разгладил его, проведя руками до лодыжек. Потом накинул зеленую с золотом ризу, развернул сто́лу, поцеловал ее и обернул вокруг шеи. Фэйрфакса рукоположили только в прошлом году, на Михайлов день; на мгновение его одолела нервозность, которую он немедленно подавил. Если он не в состоянии провести самую простую службу в захудалой деревушке, о какой карьере священника вообще может идти речь? Он сложил в стопку молитвенник, Библию, свои записи и вышел в коридор.

Гробоносцы все еще сражались со своей ношей, пытаясь спустить ее по узкой лестнице. Пришлось расположить гроб практически вертикально, и он то и дело задевал то стены, то перила. Казалось, доски вот-вот треснут и старый священник вывалится на ступени. Агнес стояла дальше по коридору, прижимая руку ко рту. Из-за спины ее выглядывала Роуз. На обеих были черные траурные чепцы.

Фэйрфакс протиснулся мимо Кифера, который пытался руководить, и, поднявшись на несколько ступенек вверх, взялся за край гроба.

– С какой стороны голова? Выносить надо головой вперед!

Когда гроб выровняли – двое на нижней ступеньке придерживали задний конец, а двое других передний, – он отошел и открыл дверь.

Стоя на пороге, Фэйрфакс про себя воззвал к Господу, прося о том, чтобы в него вошел Святой Дух – в этот миг он определенно не чувствовал его присутствия, – и выбрался под проливной дождь. На счет «три» мужчины вскинули гроб на плечи и, пошатываясь под его тяже-

стью, двинулись за священником. Следом шел Кифер. Замыкали шествие Роуз и Агнес, которая заперла за собой дверь. Маленькая похоронная процессия медленно потянулась по садовой дорожке и, огибая грязные лужи, направилась к воротам. Фэйрфакс заметил пару лошадей, привязанных к крюкам, которые были вмурованы в стену. Неподалеку ждал пони, впряженный в легкую повозку, рядом стоял крытый фургон с мулами. Колокол продолжал звонить. Ветер раздувал облачение Фэйрфакса, точно парус. У него было такое чувство, будто его выбросило на мель и теперь он изо всех сил пытается доплыть до берега.

Они прошли сквозь ворота меж сочащихся влагой камней и, оставив позади разверстый зев свежeverытой могилы, направились к церковному притвору, сулившему укрытие от дождя. На миг притормозив перед входом, чтобы поудобнее примостить на плечах свою скорбную ношу, они двинулись вниз, в маленькую церквушку, по ступеням, на которых за многие века образовались углубления. В памяти Фэйрфакса остались благоговейная тишина, время от времени нарушаемая чьим-нибудь негромким покашливанием, холод, сероватый сумрак, сливающиеся в единую массу огоньки свечей на периферии зрения, множество еле уловимых запахов: воска, ладана, мокрой одежды, пота. Обойдя гроб спереди, он двинулся к алтарю, на ходу открывая молитвенник. Прихожане поднялись.

Много веков тому назад, искореняя наукопоклонничество, Церковь уничтожила еретические модернизированные тексты доапокалиптической эпохи и вернула христианам язык Библии короля Иакова. Ее двенадцать тысяч слов легли в основу Узаконенного национального словаря. И хотя в обиходную речь проникли и другие слова, в школе изучали исключительно библейский лексикон. Это был английский язык в том виде, в каком его задумал Господь, – богатый, величественный и очищенный от всех выражений, способных хоть как-то отражать научные понятия. Именно он звучал в то утро под сводами церкви Святого Георгия, как наверняка звучал в стародавние времена, до Упадка.

– Я есмь воскресение и жизнь, рек Господь; верующий в Меня, если и умрет, оживет. И всякий, живущий и верующий в Меня, не умрет вовек⁴.

У Фэйрфакса был красивый и сильный голос. Он отдавал себе отчет в том, что сейчас, когда он идет по проходу, все головы поворачиваются в его сторону. В тусклом свете мелкий шрифт было трудно различить, но это не имело никакого значения. Человеческие жизни были недолгими, а похороны – частыми; текст службы он знал наизусть.

– Ибо мы ничего не принесли в мир; явно, что ничего не можем и вынести из него⁵. Господь дал, Господь и взял; да будет имя Господне благословенно!⁶

Остановившись перед ступенями алтаря, он повернулся. В стенах узкого нефа были ниши, где стояли статуи святых – необычайно много изваяний для такой маленькой церквушки. Огоньки свечей под каждой резной фигурой мерцали в полумраке, точно звезды. Гробовосцы остановились перед козлами, осторожно опустили на них гроб, повернулись к алтарю и поклонились. Кифер, Агнес и Роуз заняли места во втором ряду. Кифер почтительно наклонился вперед и прошептал что-то на ухо женщине, которая сидела перед ним. Та кивнула в ответ и принялась листать свою Библию.

Фэйрфакс вскинул руки:

– Давайте помолимся.

Паства преклонила колени.

– Господи! Ты нам прибежище в род и род. Прежде нежели родились горы, и Ты образовал землю и вселенную, и от века и до века Ты – Бог. Ты возвращаешь человека в тление и

⁴ Евангелие от Иоанна, 11: 25–26.

⁵ Первое послание к Тимофею, 6: 7.

⁶ Книга Иова, 1: 21.

говоришь: «Возвратитесь, сыны человеческие!» Ибо пред очами Твоими тысяча лет, как день вчерашний, когда он прошел, и как стража в ночи...⁷

По окончании молитвы, к изумлению Фэйрфакса, Роуз встала и двинулась мимо него к органу. Где-то одышливо засипели и загромыхали незримые мехи. Роуз очень чисто сыграла вступительные такты, после чего остановилась. Собравшиеся зашелестели страницами молитвенников. Зазвучали ноты древнего гимна.

Из любви Отца рожденный
до начала всех начал,
Он и Альфа и Омега,
Он – исток, и Он – финал.

Не прекращая петь, Фэйрфакс принялся разглядывать прихожан. Несмотря на непогоду, отдать дань уважения старому священнику собралось больше сотни человек – худых, оборванных, с загрубелыми лицами крестьян в убогой одежде, чья внешность красноречиво свидетельствовала о беспросветной жизни с бесконечными родами, тяжким трудом и постоянным недоеданием. И тем не менее они пели с воодушевлением. По крыше барабанил дождь.

Когда гимн допели, он кивнул женщине, сидевшей в переднем ряду; судя по всему, это и была леди Дарстон. Та поднялась на ноги и раскрыла свою Библию. По крайней мере, она принадлежала к избранному обществу. Фэйрфакс сразу же понял это по ее безупречной осанке и наряду. На ней были строгий жакет и юбка из темно-зеленого бархата, длиной по щиколотку; и то и другое – слегка поношенное и выцветшее, но явно дорогое и, без сомнения, некогда очень модное. Рыжеватые волосы были убраны под бархатный капор такого же зеленого цвета. Женщина уверенно поднялась на амвон и немного помедлила, сосредоточиваясь, прежде чем заговорить.

– Говорю вам тайну: не все мы умрем, но все изменимся вдруг, во мгновение ока, при последней трубе; ибо вострубит, и мертвые воскреснут нетленными, а мы изменимся...⁸

Она без запинки прочитала этот отрывок звонким, приятным голосом и вернулась на свое место. Мужчина, сидевший рядом с ней, по всей видимости муж, одобрительно похлопал ее по руке, обтянутой перчаткой. Фэйрфакс взошел на амвон и положил на аналой свои заметки.

– Друзья, мы собрались здесь сегодня утром, чтобы проводить в последний путь отца Томаса Джеймса Лэйси, чья жизнь оборвалась в возрасте пятидесяти шести лет по трагической случайности...

– По трагической случайности, как же! – донесся из задних рядов громкий и насмешливый мужской голос.

Фэйрфакс умолк и вскинул глаза, чтобы посмотреть, кто это сказал. Прихожане зашевелились и принялись оглядываться. Одни что-то недовольно бормотали, другие обращались к мужчине, требуя молчания. Он сидел в заднем ряду, полускрытый колонной. Фэйрфакс повторил попытку:

– Отца Лэйси, чья жизнь оборвалась в возрасте пятидесяти шести лет по трагической случайности. Его смерть напоминает нам...

– Трагическая случайность тут совершенно ни при чем! – У него был выговор образованного человека и звучный, хотя и слегка дребезжащий от старости, голос. – Нет, я не намерен молчать! – раздраженно бросил он кому-то из окружающих. – Это вы все должны умолкнуть и очнуться, чтобы увидеть правду!

⁷ Псалтирь, 89: 2–5.

⁸ Первое послание к Коринфянам, 15: 51–52.

По залу пробежал негромкий ропот. Кровь застучала у Фэйрфакса в ушах.

– Друзья, прошу вас, давайте не забывать, по какому печальному поводу мы здесь собрались...

Но его голос утонул в общем гомоне.

Внезапно мужчина, сидевший рядом с леди Дарстон, швырнул на пол свой сборник гимнов и вскочил на ноги. У него было кирпично-красное лицо с грубыми чертами, а мускулистые плечи и шея в сравнении с остальным телом казались непропорционально широкими. Он напомнил Фэйрфаксу минотавра. Здоровяк решительно двинулся к задним рядам, и прихожане немедленно затихли. Добравшись до возмутителя спокойствия, он наклонился к нему и что-то произнес, негромко и отрывисто. Его мощный торс заслонял от Фэйрфакса происходящее. Потом началось какое-то шевеление. Несколько мгновений спустя два человека в полумраке принялись пробираться к выходу, причем, по всей видимости, один вел другого. Дверь открылась и снова закрылась. Спутник леди Дарстон, уперев кулаки в бока, проводил их взглядом, опустил руки, развернулся и все тем же решительным шагом вернулся в первый ряд. Подняв с пола сборник гимнов, он уселся на свое место и кивком велел Фэйрфаксу продолжать.

Фэйрфакс принялся продираться через оставшуюся часть своей речи.

– Его смерть напоминает нам о том, что Господь может призвать нас на Свой суд в любой миг. Научи нас так счислять дни наши, чтобы нам приобрести сердце мудрое...

Он говорил о святости служения, о ценности долгой и скромной жизни, проведенной на одном месте, о пастыре и его пастве, изрекал прочие высокопарные благоглупости, а когда закончил, то обнаружил, что его руки с силой сжимают край аналоя и скрючились, как когти грифона. Он спустился с амвона и произнес название второго гимна. Ему показалось, что на этот раз все пели с некоторым вызовом, демонстрируя неодобрение в адрес изгнанного смутьяна. Когда отзвучали последние слова гимна, те же четверо мужчин вновь вскинули гроб на плечи, и Фэйрфакс повел процессию к выходу из церкви. Очутившись во дворе, он огляделся по сторонам в поисках прихожанина, прервавшего проповедь, но, кроме могильщика и его подручного, поблизости никого не было видно.

Дождь продолжал лить, окропляя страницы молитвенника, – холодный, как зима, и неумолимый, как смерть. Вокруг вырытой могилы лежали доски, которые прогнулись под тяжестью Фэйрфакса. В щелях между ними хлюпала жидкая грязь. С холмика земли, извлеченной из ямы, стекала вода, собираясь в лужу на дне ямы. Фэйрфакс забеспокоился – если он не поспешит, гроб будет плавать в могиле, – и решил начать погребение, хотя еще не все прихожане успели подтянуться.

– Человек, рожденный женою, краткодневен и пресыщен печалью: как цветок, он выходит и опадает; убегает, как тень, и не останавливается...⁹

Гробоносцы поставили гроб на две веревки, принялись осторожно тянуть его к разверстой могиле – он на миг завис над ямой, – и начали рывками спускать вниз. Когда примерно половина расстояния была преодолена, один из них слишком резко ослабил свой конец веревки. Скользящая пенька выскользнула из пальцев, гроб накренился и, пролетев последнюю пару футов, шумно плюхнулся в лужу на дне. Не будь Фэйрфакс ответственным за церемонию, он счел бы, что вся эта сцена не лишена мрачного комизма.

Скорбящие вереницей потянулись мимо, на миг останавливаясь, чтобы бросить в могилу горсть земли. Леди Дарстон задержалась дольше остальных. Стянув с руки зеленую лайковую перчатку, она погрузила пальцы в сероватую землю, словно не замечая грязи. Некоторое время она стояла в глубокой задумчивости, глядя на то, как земля сыплется сквозь ее тонкие пальцы на крышку гроба, потом приподняла подол юбки и отошла в сторону.

⁹ Книга Иова, 14: 1–2.

– Поелику Господь Всемогуший в неизреченной милости Своей принял к Себе душу усопшего брата нашего, мы предаем его тело земле; земля к земле, прах к праху, тлен к тлену, в безусловном и твердом уповании на воскресение к вечной жизни в Господе нашем Иисусе Христе...

Фэйрфакс скороговоркой отбарабанил «Отче наш» и коллекту, и к тому времени, когда он затянул благословение, большая часть собравшихся, отбросив приличия, поспешила укрыться под крышей. Едва он успел захлопнуть молитвенник, как могильщик с подручным бросились зарывать могилу, трудясь с таким рвением, что менее чем через четверть часа бранные останки отца Томаса Лэйси были засыпаны землей, присоединившись к сонму мертвецов – тех, которые уже десять тысяч лет, если не больше, покоились в древней земле Уэссекса, тех, чьи голоса так настойчиво зывали к нему, когда он был еще жив.

Глава 5

Планы Фэйрфакса срываются

Поминки устроили в крытом соломой двухэтажном строении, которое принадлежало церкви и стояло на противоположном от дома священника конце кладбища. Насколько было известно, церковную пивную, как и дом, построили много столетий назад. Южная стена – мешанина из древнего желтого камня, светлого цемента и современного кирпича, – покоилась, и ее удерживали массивные подпорки из бруса. Постройку оплетали темно-зеленые щупальца плюща. И тем не менее она создавала ощущение основательности, будто наконец прекратила оседать и обещала простоять еще несколько столетий.

В очаге ярко пылал огонь. Рядом стоял железный вертел, достаточно длинный для того, чтобы зажарить целую свинью. В помещении было душно и шумно. Скорбящие сгрудились вокруг очага, пытаясь обсушиться. Дым от разожженных глиняных трубок мешался с паром, исходившим от влажных одежд. Роуз с Агнес хлопотали вокруг большого деревянного стола, снимая тряпицы, которыми были накрыты блюда. Под столом играли ребятишки. Перед бочонками с элем и сидром толпились мужчины и немногочисленные женщины, ждавшие своей очереди, чтобы наполнить оловянную кружку пенным напитком.

Фэйрфакс, стоя на пороге, наблюдал за происходящим. Ему нужен был Кифер. Прежде чем уезжать, следовало уладить кое-какие формальности: сделать запись в приходской книге, подписать ее и заверить. Без помощи причетника было не обойтись. После этого он мог пуститься в обратный путь. Непогода разбушевалась не на шутку, но Фэйрфакса это не смущало: он был молод и крепок и не боялся вымокнуть. Его как никогда переполняла решимость поспеть в Эксфорд до сумерек.

Так и не обнаружив среди собравшихся Кифера, он сделал несколько шагов внутрь, и впервые за все время его присутствие заметили. Разговоры немедленно стали тише, как будто все устыдилось своего легкомыслия. Лица посерьезнели. Головы коротко закивали.

– Преподобный отец.

– Преподобный отец.

– Прекрасная была служба, преподобный отец.

– Слово, сказанное прилично, – золотые яблоки в серебряных прозрачных сосудах.

– Благодарю вас. Да будет с вами мое благословение. – Он попытался выразить признательность всем сразу благосклонным поворотом головы. – Его преосвященство епископ просил меня передать его соболезнования по случаю кончины пастыря, служившего так долго. Да упокоится он с миром, которого заслужил.

– Аминь.

– Аминь.

Он перекрестился.

– Мы как раз обсуждали того малого, который поднял крик в церкви, преподобный отец.

– Ах да, – сказал Фэйрфакс и обернулся к говорившему, пожилому мужчине с косматыми седыми бакенбардами. – Кто он такой?

– Никто не знает.

– Он не из тутошних.

– Он уже убрался, кем бы он там ни был.

– Так он же не один пришел. Двое их было.

– В любом случае капитан Хэнкок его приструнил.

Фэйрфакс пожалел, что не успел получше разглядеть чужаков.

– Как по-вашему, что он имел в виду, когда сказал, что гибель отца Лэйси не была случайностью?

– Что его черти взяли, вот оно как! – жизнерадостно сообщил старик.

– Черти?

– Черти, которые сидят в Чертовом Кресле.

– В каком Чертовом Кресле?

– Так называется место, где он упал. Жуткое, безлюдное место.

– Не слушайте его, преподобный отец, – поспешила вмешаться одна из женщин. – Он просто старый пустомеля.

– Совсе я не пустомеля! Черти существуют, а ежели кто в них не верит, тот еретик! Разве не так, преподобный отец?

– В мире, вне всякого сомнения, существует зло, сэр, какой бы облик оно ни принимало. – Фэйрфаксу внезапно захотелось поскорее завершить этот разговор. – Не смею дольше вас отвлекать. Я искал мистера Кифера.

В ответ одни пожали плечами, другие устремили на него пустые взгляды. После похорон причетника никто не видел.

Фэйрфакс подошел к Агнес, которая разрезала пирог:

– Вы потрудились на славу, миссис Бадд. Угощение получилось выше всяких похвал.

– Отведаете кусочек пирога, преподобный отец?

– Нет, спасибо. Мне нужно ехать. Ты прекрасно играла, Роуз. – Девушка, слабо улыбнувшись, потупилась, и Фэйрфакс снова обернулся к Агнес. – Где мистер Кифер?

– Пошел в церковь, сэр, за приходской книгой.

– А! – воскликнул священник с облегчением. – Так вот куда он запропастился! В таком случае, раз уж все равно придется ждать, я, с вашего позволения, и впрямь подкреплюсь кусочком вашего пирога перед дальней дорогой.

– Вы прочтете молитву, преподобный отец?

– С радостью. – Фэйрфакс постучал ножом по стеклянному кувшину, и гул быстро стих. Он склонил голову. – Благослови, Господи, эту пищу для нашей силы и Твоей славы и не дай нам забыть о тех, кто не имеет пропитания. Аминь.

– Аминь.

Гомон возобновился. Фэйрфакс взял тарелку и воткнул вилку в пирог. Он проголодался; он постоянно испытывал голод и при этом, сколько бы ни ел, умудрялся оставаться худым, как бездомный пес. Создавалось впечатление, что его тело твердо решило восполнить все годы недоедания, от которого он страдал в семинарии. К тому же пирог с начинкой из дичи и крутых яиц и впрямь оказался на редкость вкусным. Фэйрфакс запил его кружкой эля, который принесла Роуз.

Видя, как он ест и пьет, местные жители понемногу осмелели и начали подходить к нему, чтобы поблагодарить за службу: по одному, по двое, робко и нерешительно. Вскоре, однако, его обступила небольшая толпа. Агнес представила ему сельчан: Джорджа Ревела и Джорджа Рогана, фермеров; Джона Ганна, кузнеца, одного из тех четверых, что несли гроб; Элисон Керн и ее сестру Мерси, хранительниц огня, горевшего перед статуей Девы Марии; Джейкоба Роту, золотаря; Джека Сингера, пастуха, с лицом, выдубленным от долгой жизни под открытым небом, и его друга Фрэнка Уотербери, крысолова, который ходил за стадом овец, принадлежащим церкви; Джона Ласти, Пола Фишера и Пола Фуэнте, ткачей...

Фэйрфакс не успевал улавливать все имена и занятия, но было совершенно ясно, что старый священник в той или иной мере оказал влияние на жизнь каждого из этих людей: крестил их, учил в деревенской школе, женил, хоронил их родителей, братьев, сестер и даже – печальная обыденность! – детей. Мало-помалу образ отца Лэйси начал оживать, становиться

зримым, и Фэйрфакс пожалел, что не смог поговорить с этими людьми до того, как сел писать надгробную речь.

- Он любил нашу долину... исходил ее вдоль и поперек, знал как свои пять пальцев...
- Ходок был неутомимый...
- И всегда на своих двоих...
- Не припомню, чтобы я хоть раз видел его верхом...
- Это его и сгубило, конечно.

Последнее замечание, вышедшее из уст Ганна, кузнеца, было встречено грустными кивками.

- Очень, очень образованный джентльмен...
- Никогда не выходил из дому без лопатки и мешочка для своих находок...
- Больше всего любил малышей...
- А помните, когда мы были маленькими, он давал шиллинг тому, кто приносил ему какое-нибудь сокровище?

- Полкроны, если вещица оказывалась стоящей...
- И что это были за сокровища? – заинтересовался Фэйрфакс.
- Всякая всячина из древних времен. Монетки с портретом престарелого короля Карла¹⁰.

Бутылки. Осколки стекла. Большею частью всякий мусор.

– А помните старую куклу, которую я нашел на лугу у Трембла? Он был в восторге! Отвалил за нее целый фунт.

- Наверное, тем, кто его не знал, он мог казаться странным...
- В последнее время так и вовсе...
- Многие за это его недолюбливали...
- И в чем это выражалось? – вмешался Фэйрфакс.
- Ну, всегда есть люди, которые говорят... а уж в отрезанной от всего мира деревушке, как наша, таких еще больше.

– И что же о нем говорили?

Местные замялись и принялись переглядываться.

– Я лично так не считаю, но кое-кто говорил, что он пренебрегает Священным Писанием в угоду собственным идеям...

– Да, проповеди у него были странноватые...

Рота, золотарь, страдавший жестоким косоглазием, сложил руки на груди и со значением произнес:

- Поговаривают, епископ подослал священника в обычной одежде, чтобы шпионить за ним по подозрению в ереси...
- Я слыхал то же самое...

Фэйрфакс перевел взгляд с одного на другого. В разговоре с ним епископ не упоминал о расследовании такого рода. Он в задумчивости умолк, и кто-то – кажется, Ганн, кузнец – принялся наседать на него, советуя затануться табаком. Фэйрфакс вежливо отказался, но кузнец настаивал:

– Я сам его ращу. Лучшего самосада по эту сторону Эксфорда вы не найдете.

Фэйрфакс неохотно взял замызганную трубку с длинным черенком и обтер кончик. Табак оказался крепким, чересчур крепким: губы зашипало, глаза заслезились. Он закашлялся, как школяр, сделавший первую в жизни затяжку, отвернулся и, не глядя, протянул трубку кузнецу.

– А ну-ка, Джон Ганн, – послышался громкий и строгий голос, – сейчас же прекрати травить преподобного отца своим гнусным зельем.

¹⁰ Имеется в виду принц Чарльз, сын Елизаветы II.

Это действовало мгновенно. Собравшиеся переглянулись, расступились, точно по мановению Ааронова жезла, подумал Фэйрфакс, и, не говоря ни слова, смиренно вернулись к огню.

– Надеюсь, они не очень докучали вам своими глупыми рассказами. – Это был тот самый здоровяк, который встал со своего места в церкви, чтобы утихомирить кричавшего. Он подошел и протянул Фэйрфаксу крепкую, широкую ладонь. – Джон Хэнкок. А это, – он взмахнул рукой с видом коллекционера, представляющего жемчужину своей коллекции, – Сара, леди Дарстон из Дарстон-Корта.

– Понятия не имею, почему он всякий раз, произнося вслух мое имя, тут же добавляет название поместья. – Леди Дарстон улыбнулась Фэйрфаксу и протянула ему затянутую в перчатку руку. – Иногда мне кажется, что он считает его моим главным достоинством.

– Вы прекрасно знаете, что это не так! – возмутился Хэнкок; судя по всему, вопрос вставал уже не впервые. – Не понимаю, зачем вы это говорите.

Она никак не отреагировала на его слова, по-прежнему глядя на Фэйрфакса. У нее были колдовские голубовато-зеленые глаза, скуластое, с твердым подбородком, лицо, бледная, как фарфор, кожа, покрытая россыпью веснушек, которые гармонировали с огненными волосами. Возраст – чуть за тридцать; наверняка замужем, подумал Фэйрфакс, но не похоже, чтобы за этим мужчиной. Под перчатками не было видно, есть ли на ее безымянном пальце кольцо.

– Очень благородно с вашей стороны – приехать в нашу маленькую церквушку из самого Эксетера.

– Эта поездка навсегда останется в моей памяти. И благодарю вас, ваша светлость, за ваше чтение.

– Она прекрасно читала. Я так и сказал ей, правда, Сара?

– Вы надолго собираетесь задержаться в нашей долине, мистер Фэйрфакс?

– Увы, я должен сегодня же отправиться в обратный путь.

– Что ж, значит, нам не повезло. Образованные люди в наших краях – большая редкость.

– Ну не настолько уж и большая! – Блеснул золотой зуб; Хэнкок рассмеялся, давая понять, что это шутка, но в его взгляде не было ни капли веселья. – Если хотите ехать, поезжайте прямо сейчас, сэр. В это время года дорога всего одна, и в сильный дождь путника на ней подстерегают опасности.

– Это, без сомнения, мудрый совет. И спасибо вам за то, что утихомирили того горлопана в церкви. Похоже, в деревне его никто не знает.

– Раньше я не видел его и уверен, что больше не увижу.

– Почему?

– Я сказал ему, что, если он не в состоянии удерживать язык за зубами, я затолкаю свой кулак в его глотку и помогу.

Сара Дарстон перехватила взгляд Фэйрфакса. Глаза женщины слегка расширились: все это явно забавляло ее, как и его.

– Что ж, если позволите, я займусь приходской книгой, а затем поеду. Леди Дарстон. – Он кивнул ей. – Капитан Хэнкок.

Он вышел под дождь, одной рукой придерживая полы сутаны, а второй пытаясь прикрыть голову от потоков воды, и побежал через двор к церкви. В каменоломне вдали что-то снова бабахнуло; воздух задрожал, по долине разошлось эхо. Фэйрфакс добежал до крыльца и взялся за массивное кольцо, вделанное в дубовую дверь, обитую гвоздями. В пустынном нефе металлический лязг показался особенно громким.

– Мистер Кифер! – Он двинулся к алтарю, оглядываясь по сторонам в поисках причетника. – Мистер Кифер!

Святые покровители прихода взирали на него из своих ниш. В неверном свете свечей выражения их лиц, казалось, постоянно менялись. Одних он знал: святого Георгия (как же

без него!), покровителя Англии, с копьём, разящим в брюхо крылатого змея; святого Антония со свиньями, врачевателя зверей; святую Анну, покровительницу рожениц, указывающую на младенца в своем чреве. Другие были ему незнакомы: безымянные образы, сплошь мужские, значение которых затерялось в веках, некогда почитаемые в этих краях святые – теперь же поклонение им считалось идолопоклонничеством. Если бы их увидел епископ, его хватил бы удар.

Он остановился перед алтарной оградой. Дверь слева от нее была приоткрыта. До Фэйрфакса донесся грохот, а следом за ним – стон.

– Мистер Кифер?

Он осторожно двинулся вперед, толкнул дверь и, спустившись на одну ступеньку вниз, очутился в крохотной ризнице с низким потолком. Кифер стоял на коленях, спиной к нему, и что-то бормотал себе под нос. Поначалу Фэйрфакс решил, что причетник молится или совершает какой-нибудь обряд, но потом увидел, что тот роется в деревянном шкафчике. Вокруг него, на полу, были разбросаны молитвенники, свечи, потиры, ризы, бутылки причастного вина и облатки, пыльные бумаги.

– Мистер Кифер? Что вы делаете?

Кифер с паническим видом оглянулся. Все его прежнее нахальство как рукой сняло.

– Приходская книга исчезла.

– Что?

– Она должна быть здесь, – беспомощно произнес он. – Всегда хранится здесь, под замком, вместе со всем остальным.

– Может, ее положили в другое место?

– Но я тут все обыскал!

К изумлению своему, Фэйрфакс обнаружил, что в глазах у причетника стоят слезы.

– Ну-ну, мистер Кифер, не стоит плакать. Я уверен, что книга рано или поздно найдется.

У кого еще есть ключ?

– Только у священника.

– Наверное, он куда-нибудь ее унес – возможно, в дом.

– Но пропала не только нынешняя книга. Нет всех четырех!

– Четырех?

– Есть прошлые тома, которые содержат сведения более чем за тысячу лет! «Древние книги огромной ценности», так он их называл. У меня ужасное чувство, что нас ограбили, преподобный отец.

– Да нет, не может быть. Следы взлома есть?

– Нет... насколько я могу сказать, нету.

– Ну тогда их почти наверняка забрал отец Лэйси. Вы пока наведите здесь порядок, а я схожу к миссис Бадд и возьму у нее ключ от дома священника.

Фэйрфакс пошел к выходу, затем вновь нырнул под проливной дождь. На этот раз он не стал прикрывать голову или приподнимать полы своего одеяния, чтобы не заляпать их грязью, а вместо этого быстрым шагом направился мимо свежей могилы Лэйси к церковной пивной. Кто-то взялся за скрипку и играл заунывную песнь; сочетание заунывной мелодии, звучащей под дождем, могильных камней и низкого серого неба вызвало у Фэйрфакса крайнюю меланхолию. Он вошел внутрь, не обращая внимания на вопросительные взгляды, которыми было встречено его повторное появление, и настойчиво поманил к себе Агнес.

– Отец Лэйси не забирал из церкви в дом приходские книги?

– Нет, сэр. Они всегда хранятся в церкви.

– И тем не менее он, по всей видимости, перенес их, потому что сейчас книг там нет. Можете дать мне ключ от дома?

– Нет... то есть этого не может быть. Это огромные старинные фолианты. Я увидела бы, если бы он принес их домой.

– Надо найти их, где бы они ни находились, и быстро. – Он заметил, что леди Дарстон и Джон Хэнкок смотрят на него. – Это важные юридические документы. Я сам займусь поисками. Скорее всего, книги у него в кабинете. Пожалуйста, дайте мне ключ.

– Я пойду с вами.

– Нет, вы нужны здесь.

– Нет, сэр, я должна тоже пойти. Роуз справится без меня.

Фэйрфакс всплеснул руками. Ему нравилось думать о себе как о человеке уравновешенном, но он уже начал терять терпение.

– Как пожелаете.

Кифер уже ждал их под навесом на крыльце. Втроем они почти бегом преодолели церковный двор, пересекли переулок и остановились перед дверью дома. Агнес вытащила из-за корсажа новенький железный ключ и отперла замок.

Дом казался странно опустевшим. Протяжное тиканье часов делало тишину еще более звенящей, будто после того, как вынесли тело старого священника, дом утратил связь с миром живых и лишился смысла существования.

– Миссис Бадд, почему бы вам не поискать наверху? Вы, мистер Кифер, возьмите на себя гостиную, а я посмотрю в кабинете.

Очутившись внутри, он закрыл дверь, прислонился к ней спиной и обвел помещение взглядом. Книг было столько, что приходские – большие, наподобие конторских книг у торговцев, как он знал по собственному опыту, – вполне могли скрываться среди остальных. Но тщательный осмотр полок ничего не дал. Он переместился к письменному столу. Ящики были не заперты и битком набиты всякой всячиной: в одном обнаружились ручки, перочинный нож, моток бечевки, линейки, булавки, писчая бумага, лупа, сургуч и карманная подзорная труба; в другом – окаменелости, обломки кремня, кусочки металла и стекла, крышки от бутылок и еще кучка разноцветных пластиковых соломинок; в третьем – всякая дребедень. Прямотаки сорочье гнездо, с легкой дрожью отвращения подумал Фэйрфакс. Большие книги сюда бы не поместились, единственное, что он нашел, – это пожелтевшую стопку старых проповедей Лэйси, перевязанных черной лентой. Фэйрфакс заглянул под диван, под стеклянный шкафчик и маленький столик, потом за них. Он даже опустил на четвереньки и прощупал пол, на тот случай, если под одной из половиц скрывался тайник. Ничего.

Он снова сел на корточки, соображая, как быть дальше. Если он вернется в собор и признается, что, получив первое задание после рукоположения, не смог даже исполнить юридические формальности, это несмыслаемым пятном ляжет на его репутацию. Значит, хорошо бы задержаться здесь и докопаться до истины. С другой стороны, ему велели съездить и вернуться за один день. А пропажа приходской книги едва ли была его заботой, скорее – наряду с еретическими текстами, одержимостью древностями, явно странными проповедями и неизвестными святыми – одним из многих нарушений, которые случились задолго до его приезда и выходили далеко за пределы его полномочий как младшего священника. Следовало действовать в соответствии с изначальным планом и уезжать.

Он вернулся в коридор, где его с пустыми руками ждали Агнес и Кифер.

– Ничего?

Оба покачали головами.

– Что ж, это загадка, и серьезная. Придется доложить о ней епископу, и он, без сомнения, это так не оставит. – Он увидел на лицах обоих испуг и поспешил их ободрить. – Вашей вины тут нет, я сообщу об этом его преосвященству. Продолжайте поиски, но слишком сильно не переживайте. Скоро вам пришлют нового священника, старое забудется, и я уверен, что Господь будет милостив к своим верным детям в этой прекрасной долине. – Фэйрфакс сло-

жил руки в жесте, который – он очень надеялся – был достаточно благочестивым, потом потер ладони друг о друга. – А теперь, миссис Бадд, мне нужно собрать свои вещи. Буду весьма признателен, если вы поручите Роуз привести мою лошадь.

Экономка наклонила голову:

– Хорошо, преподобный отец.

– Замечательно. Спасибо вам обоим за все, что вы сделали. Надеюсь, когда-нибудь нам доведется встретиться снова, при менее печальных обстоятельствах.

Он по очереди пожал обоим руки и благословил их.

Когда дверь за ними закрылась, он пошел в гостиную и принялся раздеваться. Верхние облачения вымокли до нитки, но сутана была достаточно сухой. Он аккуратно свернул стихарь, ризу и стóлу, так, чтобы изнанка оказалась снаружи, и сложил их обратно в сумку вместе с Библией, молитвенником, трубкой и ручкой. Не успел он облачиться в дорожный плащ, как с улицы донесся стук копыт.

Стоя в коридоре перед дверью, положив руку на дверную ручку, он в последний раз огляделся по сторонам, прежде чем выйти из дома.

Роуз ждала у ворот, держа в руках поводья. Она стояла неподвижно, как часовой, словно не замечала дождя, который лил с такой силой, что промокшее черное платье облепило ее стройную фигурку, как вторая кожа. Пряди темных волос прилипли к лицу. Роуз убрала их свободной рукой и впервые за все то время, что Фэйрфакс говорил с ней, посмотрела ему прямо в глаза.

– Благодарю тебя, дитя мое. – Он забрал у девушки поводья и сжал ее руку, а потом, повинаясь внезапному порыву, при воспоминании о котором впоследствии краснел до корней волос и которому ни за что бы не поддался, не будучи уверен, что никогда больше ее не увидит, неожиданно для себя самого поднес бледные девичьи пальцы к губам и поцеловал их. – Благослови тебя Бог, Роуз!

С этими словами он вскочил на лошадь и, не оглядываясь, поехал по переулку.

Проезжая мимо церковной пивной, он различил отчетливые звуки скрипки. То, что не так давно было скорбной песнью, теперь поразительно напоминало джигу, и ему подумалось, что похороны превратились для деревни в праздник, который, судя по шуму, грозил затянуться до ночи. Уже доехав до конца деревни, он все еще слышал музыку, и лишь когда дорога, ведущая из долины, начала уходить вверх, ее наконец заглушил неумолчный шум дождя.

Косогор становился все круче, тропа раскисла и превратилась в ручей. По склону стекали потоки буро-желтой воды. Мэй продвигалась вперед так медленно, что он мог бы с тем же успехом идти пешком. Чуть ли не полчаса ушло только на то, чтобы добраться до точки, где тропка наконец сворачивала к вершине холма, и лишь оказавшись за поворотом, Фэйрфакс заметил над вершинами деревьев, справа и впереди от себя, коричневую поперечную проплешину – там, где часть крутого склона точно срезали ножом, вместе с деревьями и валунами. Все это словно высыпалось из мешка какого-нибудь великана – мешанина из грязи, камней, корней и искореженных древесных стволов, сползшая сверху, из леса, и перегородившая дорогу.

Фэйрфакс подъехал к ней вплотную и остановился. Препятствие было высотой с него самого, если не выше, и полностью преграждало путь. Он спешил и принялся карабкаться вверх, увязая по щиколотку в жидкой грязи. Цепляясь за торчащие ветви, раз за разом вытягивая себя из чавкающей жижи, он дюйм за дюймом продвигался к цели, пока не добрался до вершины, где распрямился в полный рост, положил руки на бедра и стал шуриться в даль сквозь пелену дождя, точно генерал, обозревающий поле боя. Завал был не очень широким – футов десять от силы, – и дорога за ним была до обидного свободной. До Фэйрфакса понемногу начала доходить вся суть его положения. Единственная дорога из долины оказалась перерезана. Проехать было невозможно. Он склонил голову, покоряясь судьбе.

Обратный путь в деревню оказался столь же затруднительным, как и подъем, только хуже, ибо он уже знал, что его ожидает. Он привязал свою кобылу к кладбищенской стене, перекинул сумку через плечо и понуро побрел к церковной пивной. Его появление было встречено понимающими взглядами. Эти люди прекрасно знали, во что превращается дорога в такую непогоду. Кто-то принес кресло и поставил его у огня, чтобы Фэйрфакс мог обсушиться. В руку ему сунули кружку с элем. Скрипач заиграл очередную разудалую мелодию, песню из старинных времен. Сельчане пустились в пляс. Фэйрфакс принялся оглядываться по сторонам в поисках Сары Дарстон и Джона Хэнкока, но оба уже ушли. Роуз старалась не смотреть ему в глаза. О Боже, подумал он, о Боже...

Кружка сама собой опустела, и ему тотчас же принесли вторую. До чего же радушны были здешние жители! Он съел еще кусок пирога. В какой-то момент Мерси Керн пригласила его на танец. Ее можно было даже назвать довольно хорошенькой, несмотря на волосатую родинку на подбородке. Фэйрфакс решил, что отказываться будет невежливо.

Выпьем за мир и за здоровье Короля,
Чтоб всем распрям конец, и пусть родит земля.
Пей до дна, дружище, покуда мы живы,
Потом никто не нальет, как ляжем в могилу.

В его памяти сохранилось смутное воспоминание о том, как все выстроились кругом и принялись хлопать и притопывать ногами в такт музыке, а он закружил Мерси под все убыстряющееся пение скрипки.

А кто за здоровье не пьет,
Тот все равно как не живет.
Он не живет, он не живет, он все равно как не живет,
Так пусть уж сам ложится в гроб!

Стены расступились, вращаясь все быстрее и быстрее. Что было дальше, он уже не помнил.

Глава 6

Рука из прошлого

Чиркнула спичка, и в темноте вспыхнул голубоватый огонек.

От его яркости у Фэйрфакса заслезились глаза. Он зажмурился. Затем дрожащими пальцами поднес спичку к фитильку свечи. Желтое пламя занялось неохотно, но потом весело вспыхнуло. В поле его зрения, качаясь, всплыла незнакомая тускло освещенная комната. В нос ударил запах хлорной извести, он понял, что находится в спальне старого священника – и не просто в спальне, а в кровати отца Лэйси – и лежит в чем мать родила. Догоревшая спичка обожгла пальцы. Он отбросил ее и рухнул обратно на подушки.

О Господи, о Господи...

Фэйрфакс попытался сесть, и в животе у него что-то зловеще заколыхалось, как будто он проглотил извивающуюся змею или жирного черного майского жука, сучащего лапками. Он бросился к окну на нетвердых ногах и успел распахнуть створки ровно за мгновение до того, как его вывернуло на траву в палисаднике. Рот был полон желчи и полупереваренных ошметков мясного пирога. Он откашлялся, отплевался и прижался горячей щекой к холодному стеклу.

Дождь наконец прекратился. В воздухе пахло боярышником, петрушкой и влажной травой. В небе над церковью висел яркий месяц, озарявший ее квадратную башню. По деревне перемещались огни. Где-то прогрехотала по ухабам телега. Видимо, он проснулся в тот странный зыбкий час между первым и вторым сном.

Почувствовав уверенность в том, что его больше не стошнит, Фэйрфакс осторожно вернулся в комнату. Теперь, когда в желудке ничего не осталось, он ощущал себя на удивление трезвым, если не считать невыносимой жажды и тупой боли, пульсировавшей в висках. Он ощупал себя: ни ушибов, ни ссадин. Как он тут очутился? Он напряг память, но вспомнить возвращение с поминок не удавалось. И где его одежда? В запоздалом приступе стыдливости он стащил с постели простыню и завернулся в нее, потом взял свечу и обошел комнату. Смотреть было практически не на что. Небольшой шкаф. Простой деревянный стул. Комод с тазом, кувшином и зеркалом. Сумка Фэйрфакса стояла у двери, и даже кошелек был на месте. Однако ни сутаны, ни исподнего нигде не было видно. Никогда еще Фэйрфакс не чувствовал себя таким униженным.

Он поднес кувшин с водой к губам, сделал несколько жадных глотков, потом склонился над тазом и вылил остатки себе на голову.

После этого он улегся в постель и уставился в расчерченный темными балками потолок. Фэйрфакс подозревал, что сельчане нарочно напоили его, чтобы выставить дураком, но винить, кроме себя, было некого. *Отец мой небесный, прости меня за позор, который я навлек на Твой святой дом.*

Несколько минут он лежал неподвижно, размышляя о том, как ему выбраться из Эддикотт-Сент-Джорджа. Как только он получит обратно свою одежду, можно пойти пешком – перебраться через оползень на дороге и добрести до Эксфорда; это займет четыре-пять часов. Но как добраться из Эксфорда до собора? И как он будет выглядеть, если вернется без Мэй? Может, ему удастся дойти лесом, ведя Мэй в поводу? Эта мысль казалась не слишком удачной. В конце концов он повернулся на бок, чтобы попытаться снова уснуть, но вместо этого уперся взглядом в прозрачные, без оправы, очки отца Лэйси. Они лежали поверх небольшой книги в светло-коричневом кожаном переплете, и их строгий, укоризненный вид немедленно напомнил ему о епископе. Фэйрфакс осторожно сдвинул очки в сторону, взял книгу и поднес ее к лицу. «Записки и протоколы заседаний Общества антикваров. Том XX» – тот самый недостающий том с нижней полки.

Поколебавшись, Фэйрфакс понюхал кожу, провел большими пальцами по исцарапанной поверхности, потом поиграл обложкой. Его так и подмывало совершить еще один грех: одним больше, одним меньше, отравленное змиево яблоко. *Не ешьте их и не прикасайтесь к ним, чтобы вам не умереть*¹¹. Но его терзало любопытство, и юношеская пытливость, несмотря на все внушения, на сей раз пересилила семинарскую выучку. Он уселся в постели, подложил под спину подушку и раскрыл книгу.

Поначалу та разочаровала его. Вскоре стало очевидно, что весь том состоит из протоколов заседаний Общества за четыре года, переплетенных в один том. Бумага была отвратительного качества, шрифт – мелким и кривым, точно ряд гнилых зубов, переплет – разболтанным; выглядело все это как дело рук непрофессионала. Члены Общества собирались раз в три месяца в лондонской таверне «Корона и подвязка», на Пэлл-Мэлл, и все заседания проходили по одному и тому же сценарию. Сначала обсуждались дела Общества: переписка, утверждение протоколов, принятие новых членов, приобретение предметов, выставленных на продажу, выставка древностей, принадлежащих обществу, целесообразность финансирования тех или иных археологических проектов. Затем заслушивался доклад, который читал один из членов. Все время повторялись одни и те же имена: мистер Шедуэлл (председатель), мистер Куик (секретарь), капитан Стюарт (казначей), мистер Ширли, полковник Денни, мистер Хоу, мистер Беркли, мистер Фокье... Человек сорок – сорок пять в общей сложности. В докладах сообщалось о найденных в ходе раскопок погребениях, домах и фабриках, об огромном прямом тракте к северу от Лондона, ширина которого составляла почти сто футов. Члены общества каталогизировали свои находки (фрагменты машин для передвижения, сделанных из металла, превратившегося в ржавую труху, устройств для общения на расстоянии, домашней утвари, статуй и других памятников, стоявших в общественных местах), высказывали теории («Как древние играли музыку?» «Что было безвозвратно утрачено в Облаке?», «Надписи на надгробиях эпохи позднего Предапокалипсиса», «Великий Исход из Лондона»).

Большая часть всего этого была слишком мудреной для Фэйрфакса, и он принялся быстро пролистывать страницы, пока – примерно за треть до конца – не наткнулся на полосатое перо куропатки, заложенное между страницами и выглядывавшее сверху. Оно выскользнуло и приземлилось Фэйрфаксу на грудь. Заседание, которое отметили закладкой, состоялось весной лет тринадцать назад. После утверждения протоколов, обсуждения текущих дел и корреспонденции шел четвертый пункт повестки дня: доклад председателя.

Фэйрфакс повернулся на бок и поднес текст поближе к пламени свечи.

Мистер Шедуэлл попросил разрешения уведомить Общество о крайне важной находке, сделанной при раскопках массового захоронения в Уинчестере.

Была обнаружена пластмассовая коробка с корреспонденцией, адресованной профессору Джеффри Чендлеру, сотруднику Тринити-колледжа в Кембридже. К несчастью, просочившаяся внутрь влага уничтожила или сделала нечитаемой большую часть материала. Но одно письмо было упаковано в отдельный пластиковый кармашек и сохранилось почти в идеальном состоянии. Мистер Шедуэлл снял с него копию и попросил разрешения зачитать письмо на собрании Общества. Предложение было одобрено единогласно.

Имперский колледж, Лондон, 22 марта 2022 года

Уважаемый коллега,

¹¹ Бытие, 3: 3.

прошу простить меня за это обезличенное обращение. Дело настолько срочное, что я посылаю одно и то же письмо множеству высокопоставленных лиц – главным образом представителям научного сообщества, но также и некоторым из тех, кто занят в промышленности, медицине, сельском хозяйстве и искусстве – тем, чью деятельность я высоко ценю и с кем надеюсь позднее наладить личное общение. В силу причин, которые станут очевидны после прочтения, я был бы весьма признателен, если бы содержание письма осталось между нами.

Три месяца тому назад я и мои коллеги-единомышленники создали рабочую группу для разработки комплекса чрезвычайных мер на случай системного коллапса технической цивилизации. Если Вы не разделяете этого опасения и особенно если Вы считаете такие мысли алармистской чепухой, пожалуйста, не читайте дальше!

В целом мы выявили шесть возможных катастрофических сценариев, которые серьезнейшим образом угрожают нашему образу жизни, основанному на достижениях современной науки. Вот они:

- 1. Изменение климата.*
- 2. Обмен ядерными ударами.*
- 3. Извержение супервулкана, стремительно ускоряющее изменения климата.*
- 4. Столкновение с астероидом, также ведущее к ускоренному изменению климата.*
- 5. Полный выход из строя всех компьютерных систем вследствие кибервойны, неконтролируемого вируса или солнечной активности.*

6. Пандемия заболевания, не поддающегося лечению антибиотиками.

Наша цель заключается не в том, чтобы предложить контрмеры, которые позволят противостоять всем этим потенциальным катастрофам – при реализации сценариев 3 и 4 это в любом случае невозможно, – но в том, чтобы разработать стратегии на дни, недели, месяцы и годы, следующие за бедствием подобного рода, стратегии, направленные на скорейшее восстановление технологической цивилизации.

Мы считаем, что наше общество достигло такого уровня развития, который делает его беспрецедентно уязвимым перед тотальным коллапсом. Серьезность угрозы неизмеримо возросла с 2000 года в силу переноса значительной части экономической деятельности и социальной жизни в цифровое пространство, и тем не менее на уровне правительств не принимается никаких шагов по разработке чрезвычайных мер.

К примеру, продолжительный глобальный сбой в компьютерных сетях на протяжении суток приведет к нехватке продовольствия и топлива – прежде всего, в городах, – резкому сокращению денежной массы, находящейся в обращении (по причине выхода из строя банкоматов, невозможности совершать платежи с помощью кредитных карт и осуществлять операции посредством интернет-банкинга), развалу систем связи и информирования, остановке транспорта, панической скупке товаров населением, появлению множества беженцев и общественным беспорядкам. Особенно серьезные последствия уже в первые часы вызовут перебои в снабжении продовольствием, подвоз которого осуществляется в круглосуточном режиме с использованием компьютерных информационных сетей. Тридцать лет назад среднестатистическая британская семья

располагала достаточным запасом еды для того, чтобы продержаться восемь дней; сегодня его хватит на два дня. Не будет преувеличением сказать, что Лондон в любой момент времени отделяют от голода шесть приемов пищи.

Мы опасаемся, что масштаб изначального сбоя может увеличиваться по экспоненте со скоростью, и все возможности, имеющиеся у государства, быстро будут исчерпаны. Работники предприятий, деятельность которых жизненно важна, возможно, уйдут со своих мест либо не смогут до них добраться. Не исключено, что данные будут безвозвратно утрачены. Ключевые отрасли и технологии могут пострадать настолько, что наши шансы на возвращение к прежней ситуации станут таять с пугающей быстротой.

Я неоднократно поднимал этот вопрос в самых высоких правительственных кругах, но ответом мне каждый раз было, по сути, пожатие плечами. Общий уровень понимания того, как новые технологии влияют на нашу жизнь, в Вестминстере и Уайтхолле потрясающе низок. Поэтому вместо того, чтобы бездействовать, мы решили взять дело в свои руки и попытаться разработать план защиты наших высоких жизненных стандартов.

Все цивилизации считают себя неуязвимыми; история учит нас, что ни одна таковой не является.

Если Вы хотите внести свой вклад, приглашаю Вас связаться со мной, написав по вышеуказанному адресу, при первой же возможности. В целях безопасности вся переписка будет вестись на бумаге, а не в электронном виде. Еще раз напоминаю о необходимости строгой конфиденциальности. Мы не хотим привлекать внимание средств массовой информации и устраивать всеобщую панику.

*С уважением,
Питер Моргенстерн*

Мистер Шедуэлл заявил, что с тех самых пор, как документ был обнаружен, он пытался разузнать хоть что-нибудь про Моргенстерна и его группу, но безуспешно. Неизвестно, продолжали ли они собираться и зашло ли дело дальше разговоров. Сам Моргенстерн явно был видным деятелем поздней предапокалиптической эпохи, поскольку его имя фигурировало в списке лауреатов Нобелевской премии, который хранился в собрании одного из частных коллекционеров. (Мистер Шедуэлл пояснил, что эту награду присуждали раз в год наиболее выдающимся деятелям в области наук и литературы на протяжении ста с лишним лет). Моргенстерн получил вышеупомянутую премию за достижения в науке под названием «физика». Но, насколько удалось установить мистеру Шедуэллу, никаких его опубликованных трудов не сохранилось.

Мистер Шедуэлл заключил, что считает необходимым продолжить свои изыскания, и запросил сумму в сто фунтов стерлингов на покрытие расходов. После обсуждения просьба была удовлетворена, и казначею поручили выдать необходимые средства.

На этом повестка дня была исчерпана, и заседание завершилось в половине десятого.

Фэйрфакс медленно положил раскрытую книгу себе на грудь. Читать было сложно, приходилось продирааться через множество слов, значение которых было неясным. Впервые в жизни он имел дело со странной, отрывистой, запретной ритмикой предапокалиптического стиля. И тем не менее, как ему казалось, он понял вполне достаточно, чтобы ухватить суть. У него закружилась голова, словно за то время, что он читал, массивная деревянная кровать под ним растворилась и теперь он камнем летел вниз.

С тех самых пор, как он стал достаточно разумным, чтобы учиться – с того момента, как выучился читать, – он беспрекословно принял учение Церкви: были времена, когда миром правил Сатана; Бог покарал древних, поставивших науку выше всего остального, и наслал на Землю четырех жутких всадников Апокалипсиса: Мор, Войну, Голод и Смерть – как и было предсказано в книге Откровения; благодаря возрождению Истинной Веры им повезло жить в эпоху Воскресшего Христа, когда в мире был восстановлен порядок. Фэйрфакс даже не задумывался о том, что могли существовать шесть возможных сценариев, приводящих к Апокалипсису, не говоря уже о том, что могли найтись люди, глубоко погрязшие в заблуждениях и желающие возвращения к той системе, которая навлекла на них Божью кару. В его руках было материальное воплощение смертного греха, которому твердо решила противостоять Церковь: то, что маскировалось под безобидный интерес к прошлому, в действительности было скрытой формой наукопоклонничества, направленного на возрождение этого прошлого. Содержимое книги было чистой воды ересью, и ее по праву следовало сжечь.

Тем не менее письмо Моргенстерна чем-то задело Фэйрфакса за живое, очень сильно, пусть даже большая часть была ему непонятна. Что значили все эти слова? К примеру, «цифровое пространство», или «банкоматы», или «антибиотики»? Он снова взял книгу, вернулся к началу абзаца и внимательно перечитал его, спотыкаясь на сложных словах и ломая язык в попытке справиться с этим шибболетом¹², точно один из плененных ефремлян, затем принялся листать дальше в поисках новых упоминаний о Моргенстерне.

Их не оказалось. Шедуэлл тоже исчез. Он приносил извинения за то, что пропустил следующие два заседания общества, посвященных труду об эрозии бетонных сооружений и раскопкам туннеля под Темзой в окрестностях Блэкуэлла, после чего записи обрывались. Этот том был последним в серии. Фэйрфакс предположил, что общество объявили вне закона.

Шедуэлл? Фэйрфакс покрутил это имя на языке. Интересно, что с ним стало? Если он еще жив, то наверняка уже сильно в годах – даже по этим записям тринадцатилетней давности он не производил впечатления человека молодого. Неожиданно промелькнула мысль: Шедуэлл мог быть тем самым пожилым возмутителем спокойствия, который своим возгласом прервал его речь в церкви. Это, разумеется, было абсурдом. Вероятность того, что бывший президент Общества антикваров оставался в живых, не говоря уже о том, что ему удалось добраться до Эддикотт-Сент-Джорджа под проливным дождем, была ничтожно мала. Фэйрфакс сказал себе, что у него слишком разыгралось воображение. И все же эта мысль не давала ему покоя.

Он вернул перо на место, закрыл томик и положил его обратно на прикроватный столик. Затем пристроил сверху очки отца Лэйси, в точности там, где они лежали раньше, – после этого можно было сделать вид, что их никто не трогал, – и задул свечу. На этот раз сон не спешил идти к нему. Было такое чувство, будто из далекого прошлого протянулась рука и провела кончиками пальцев по его лицу. Он был бы рад навсегда забыть прочитанное, но знание все изменяет, и он понимал, что это невозможно.

¹² *Шибболет* – характерная речевая особенность, выдающая принадлежность человека к определенной группе (например, этнической или профессиональной).

Глава 7

Четверг, 11 апреля. Свинарни

Перед самым рассветом он наконец уснул, но в скором времени был разбужен стуком в дверь – негромким, но непрекращающимся и все более настойчивым. Уже рассвело, и впервые с его приезда в долину за окном забрезжил намек на бледный солнечный свет.

– Отец Фэйрфакс? – послышался из-за двери женский голос.

– Да, миссис Бадд. Доброе утро. Все хорошо?

– Вы нужны, и быстро. Не могли бы вы подойти?

Он отбросил одеяло, потом вспомнил, что обнажен.

– Я бы с радостью, но, боюсь...

– Ваша одежда испачкалась, преподобный отец, когда вы упали. Я забрала ее, чтобы постирать. Возьмите что-нибудь из вещей отца Лэйси.

Он упал? Так это она его раздела? О Господи! О Господи!..

– Благодарю вас. Я сейчас спущусь.

– Пожалуйста, преподобный отец, поскорее!

В комод он нашел тщательное отутюженное исподнее и пару длинных шерстяных носков, черного цвета и старомодного фасона. Перспектива облачиться в одежду старого священника была еще хуже спанья в его постели. При мысли об этом Фэйрфакса даже передернуло. Однако он сжал зубы и натянул ее. В шкафу обнаружилась простая черная сутана, пропахшая камфарой и обтрепанная по подолу и обшлагам, которая пришлась Фэйрфаксу впору. Пусть она будет моей власяницей, подумал он. Моей епитимьей. Напоминанием о моем грехе.

Фэйрфакс вышел на лестницу, оборачивая вокруг шеи белый галстук отца Лэйси, и, пока спускался, завязал его.

Агнес ждала его в коридоре вместе с Роуз, одетой для выхода из дома – в длинное коричневое пальто, по всей видимости некогда принадлежавшее отцу Лэйси. Между ними стоял тощий молодой мужчина с непокрытой головой, теребивший в руках войлочную шапчонку. На нем были заношенный черный костюм из чесаной шерсти и штаны, подпоясанные веревкой. Лицо его выражало такую муку, что Фэйрфакс безотчетно протянул руку и сжал его плечо:

– Что случилось, сын мой?

Парень уставился на него покрасневшими глазами, разинув рот, не будучи в состоянии выдать ни слова.

– Его жена только что родила, и младенец так плох, что не дотянет и до полудня. Нужно окрестить бедняжку.

– В самом деле. Мне очень жаль. Одну минуту.

Он взбежал обратно на второй этаж и достал из сумки молитвенник. Перед входной дверью он натянул башмаки, и Агнес опустила на корточки, чтобы зашнуровать их. Парень уже ждал на дороге.

– Его зовут Джон Ревел, – прошептала экономка. – Они уже потеряли одного, этот будет вторым. Живут в Свинарнях. Роуз потом проводит вас обратно.

Фэйрфакс поспешил по дорожке к воротам, которые Роуз распахнула перед ним, и они вместе зашагали за несчастным молодым отцом по направлению к деревне. Роуз шла в нескольких шагах впереди. Теперь, когда ливень прекратился, люди мало-помалу возвращались к обычной жизни. Какая-то женщина развешивала в палисаднике выстиранное белье. Еще одна шла по улице, сгибаясь под тяжестью ведер с молоком, которые держала в обеих руках. Обе замерли, когда мимо них проходил Ревел, и Фэйрфакс сделал вывод: очевидно, они прекрасно

понимают, что это такое – встретить на улице молодого отца в сопровождении священника ранним утром.

Центральная арка моста почти полностью скрылась под водой. Не более чем в футах от парапета пенился ревущий поток, желтовато-бурый и мутный, силившийся преодолеть запруды из сломанных веток. Брызги летели им в лицо. Ярдах в ста за рекой Ревел неожиданно нырнул в узкий переулок, который тоже превратился в бурный поток, так что Фэйрфаксу с Роуз пришлось забраться на поросшую травой бровку и ковылять вдоль нее, время от времени погружаясь в воду по щиколотку.

За высокой изгородью из невидимых дымоходов к небу поднималось с полдюжины тонких струек дыма. Ревел открыл деревянную решетчатую калитку, и его спутники следом за ним вошли во двор. К ним, в надежде на кормежку, тут же бросились куры, переваливаясь из стороны в сторону, как клирики в задранных сутанах, в то время как свиньи, по всей видимости давшие название этому месту – розово-серые от налипшей грязи, – лениво перерывали пяточками навозную кучу. С трех сторон двора виднелись строения, которые Фэйрфакс поначалу принял за полуразвалившиеся свинарники. Но потом он заметил, как в них шныряют ребятишки, и потрясенно осознал, что это человеческие жилища – покосившиеся хибарки с крохотными окошками и низкими дверными проемами, в один из которых они вошли, предшествуемые Ревелом.

В полумраке Фэйрфакс различил голый земляной пол, засыпанный соломой и опилками. Судя по всему, на ночь в дом загоняли скотину, чтобы она была в тепле и никто не увел ее со двора. Приставная лестница вела на чердак. В маленьком, обложенном кирпичами очаге шипели сырые дрова. Перед ним на табуретке сидела старуха, посасывая короткую трубку. Вонь стояла такая, что у Фэйрфакса заслезились глаза: пахло людьми и животными, мочой и испражнениями, разваренной едой, древесным и табачным дымом, аммиаком, выделяемым прелой соломой. Ребятишки сгруппировались позади них в дверях, заслоняя дневной свет.

Когда глаза привыкли к темноте, Фэйрфакс различил в углу матрас, заваленный каким-то тряпьем. Ревел подошел к нему и присел на корточки.

– Ханна, я привел священника, – ласково произнес он.

Куча тряпья зашевелилась, и из нее показалась худое белое лицо.

– Отец Лэйси?

– Нет, я отец Фэйрфакс. – Он с протянутыми руками подошел к матрасу. Роуз стояла в отдалении, переминаясь с ноги на ногу и наблюдая за ним. – Можно взглянуть?

Ревел осторожно убрал простыню. Женщина судорожно прижимала к груди младенца. Он был сизо-голубого цвета, точно такого же, как вены на ее голых белых грудях, разбухших от молока. У нее не было сил поднять его. Ревел осторожно взял ребенка из рук жены и передал Фэйрфаксу. Маленькое тельце было холодным и легким, как у мертвой птички. Фэйрфакс в отчаянии огляделся по сторонам и наткнулся на взгляд Роуз. Та отвела глаза. Ему следовало отказаться от проведения обряда. Хороший священник нашел бы слова для того, чтобы объяснить неисповедимость Божьей воли, и не предлагал бы лживого утешения. Фэйрфакс знал это, но у него не хватило духу.

– Богом молю, скажите, она ведь еще не умерла, правда?

– Нет, нет. Мы успели вовремя. – Фэйрфакс пристроил детское тельце в сгибе левой руки, а правой принялся листать молитвенник. – Можно мне света? И воды. Дети, почему бы вам не подойти ближе и не присоединиться к нам?

Четверо ребятишек собрались вокруг. Старуха тяжело поднялась с табуретки, подала ему деревянный кувшин с водой и встала у него за спиной, держа над его плечом огарок свечи. Он чувствовал ее зловонное свистящее дыхание.

– Как вы хотите ее назвать?

Ревел посмотрел на жену.

– Джудит Элизабет, – сказала та.

Он кивнул.

Фэйрфакс слегка полил водой сморщенное личико:

– Джудит Элизабет, крещаю тебя во имя Отца, и Сына, и Святого Духа. Аминь.

– Аминь.

– Преклоним колени все вместе? – Он повернул молитвенник к огню свечи, но слова и без того были ему хорошо – слишком хорошо – известны. – Мы возносим свои хвалы Тебе, Отец наш милосердный, за то, что Ты благоволением Своим возродил Джудит Элизабет от Святого Духа, признал ее как нареченное дитя Твое и принял в лоно Святой Церкви. Смиренно молим Тебя: яко ныне причастна она смерти Сына Твоего, так же пусть будет причастна и Его воскрешения, и с остальными святыми сможет унаследовать вечное царствие Твое через возлюбленного Сына Твоего Иисуса Христа, Господа нашего. Аминь.

Повисло молчание, потом один из ребятишек спросил:

– Она уже умерла, да?

– Думаю, да. Упокой Господь ее душу! – Фэйрфакс вернул малышку в объятия матери. – Но мы успели вовремя.

Он стоял посреди утоптанного пятачка земли, опустив руки, запрокинув лицо к небу, и вдыхал запахи скотного двора. Беднейшие кварталы Эксетера всегда вызывали у него потрясение, но тишина и уединение, среди которых обитали деревенские бедняки, почему-то производили еще более гнетущее впечатление. Неудивительно, что после Упадка люди вновь обратились к Богу: им просто необходимо было верить в то, что есть другая, лучшая жизнь, в то время как древние со всеми их удобствами вполне могли существовать и без веры. Хотя... В его памяти всплыли странные, малопонятные фразы из письма Моргенстерна. «Мы считаем, что наше общество достигло такого уровня развития, который делает его беспрецедентно уязвимым перед тотальным коллапсом... Ключевые отрасли и технологии могут пострадать настолько, что наши шансы на возвращение к прежней ситуации станут таять с пугающей быстротой». Чего-чего, а веры у древних было предостаточно. Их Богом была наука, и этот Бог отвернулся от них.

Присутствие Фэйрфакса в Свинарнях вызвало переполох. Люди глазели на него из открытых дверей. Некоторые лица он вспомнил – видел на поминках. Худые босоногие ребятишки, самый высокий из которых едва доставал ему до груди, носились вокруг него, крича и размахивая руками. В руках они держали деревянные кресты, то резко опуская их вниз, то описывая ими круги. Поначалу Фэйрфакс не обращал на них особого внимания, но потом игра заинтересовала его.

– Во что это вы играете?

– В летающие машины!

– Откуда вы знаете про летающие машины?

– Нам старый священник рассказывал!

– Можно взглянуть?

Игрушка была грубо выстругана из цельного куска дерева. Крылья слегка отведены назад, как у ласточки, а хвост поднят вверх, как у сороки. Крохотные дырочки, выдолбленные по обеим сторонам корпуса, судя по всему, представляли собой окошки. В своем воображении ребятишки находились высоко над залитым лужами скотным двором, стремительно носясь между облаками. Фэйрфакс никогда не видел такой игры. Он крутил деревянную летающую машину в руках до тех пор, пока Роуз не потянула его за рукав. Она кивнула светловолосой девушке – та и сама выглядела ребенком, однако живот у нее уже округлился, что говорило о приличном сроке беременности. Девушка сделала книксен:

– Прошу прощения, преподобный отец.

– Что такое, дитя мое?

– Моя матушка хотела бы причаститься, сэр. Прошлый раз был уж давненько, тяжело ей без причастия.

– Так что ж она не придет в церковь?

– Не встает с постели, сэр. Уже десять лет как овдовела.

– Увы, боюсь, я не взял с собой ни облаток, ни вина...

Роуз снова коснулась его локтя, расстегнула свое мешковатое коричневое пальто, порылась во внутреннем кармане и вытащила черный хлопковый мешочек, стянутый шнурком. Потом развязала завязки и показала ему содержимое: облатки для причастия и заткнутую пробкой полпинтовую фляжку. Удивленный и почему-то пристыженный, Фэйрфакс взял у нее мешочек.

– Спасибо, Роуз. Как тебя зовут, дитя мое?

– Элис, преподобный отец.

– Что ж, Элис, води нас.

Они двинулись следом за девушкой через двор, и Фэйрфакс приготовился исполнять свой долг: «призирать сирот и вдов в их скорбях и хранить себя неоскверненным от мира...»¹³ Скопление лачуг, между тем, было куда более протяженным, чем ему показалось вначале. Один двор плавно перетекал в другой, а тот – в третий. Многочисленные струйки дыма, поднимавшиеся над соломенными крышами, говорили о том, что поселение своими размерами едва ли не превосходило деревню. Тонкие стены, беленные известью, были сложены в основном из саманника – смеси глины, соломы и гравия. Такие лачуги давали кров значительной части человечества. Они прошли мимо мужчины с ножом, который обстругивал палку. Фэйрфакс на мгновение почувствовал себя неуютно при мысли об опасностях, которые могли подстергать его в таком гиблом месте, но потом вспомнил, что взять с него нечего, кроме молитвенника и поношенной сутаны старого священника.

К дверному косяку был привязан тощий пес с запавшими боками. При виде чужаков он с рычанием рванулся вперед, натянув веревку и вскинувшись на задние лапы. Девушка, не обращая на него внимания, зашла внутрь, Фэйрфакс и Роуз последовали за ней. Чтобы не удариться о низкую притолоку, ему пришлось пригнуть голову. Внутри жилище оказалось точной копией предыдущего: такое же темное, устланное соломой. Перед остывшим очагом на боку лежала свинья с присосавшимися к ней детенышами. Приставная лестница вела на второй этаж.

– Она лежит там, наверху?

– Да, преподобный отец.

– Как зовут твою мать, Элис?

– Матильда Шоркум, сэр.

– Кто за ней ходит?

– Я, сэр.

– В одиночку?

– Да, сэр.

– Что же, больше никакой родни у вас нет?

– Всех моих братьев забрали в армию, сэр, воевать с Северным Халифатом.

– Они храбрые ребята, я уверен, – ободряюще кивнул Фэйрфакс.

Война эта шла всю его жизнь и много столетий до его рождения, во всяком случае, так говорили: постоянная, странно далекая. Периоды затишья перемежались леденящими кровью рассказами о жутких зверствах, которые вызывали всплеск народного возмущения, после чего военные действия начинались заново. Заклучались они главным образом в несении скучной

¹³ Псалтирь Иакова, 1: 27.

гарнизонной службы на далекой заставе где-то в йоркширской глуши. Однако участники регулярных карательных рейдов, совершаемых, чтобы держать исламистский анклав под контролем, рисковали быть взятыми в плен и обезглавленными, и все подобные случаи правительство непременно предавало огласке.

– Я помолюсь и за них тоже, – добавил Фэйрфакс.

Он сунул молитвенник под мышку, осторожно поставил ногу на хлипкую нижнюю ступеньку, полез вверх по лестнице и, протиснувшись сквозь люк, очутился на чердаке. Роуз последовала за ним. Единственным источником света было окно с разбитым мутным стеклом. В углу, возле простого дощатого стола, стояла койка, на которой лежала женщина, похожая на обтянутый кожей скелет. Ее руки и ноги были забинтованы, а голова перевязана чем-то очень похожим на грязную салфетку. Глаза, необыкновенно большие, темные и блестящие, светились умом. Роуз присела на корточки рядом с кроватью и погладила женщину по лицу. Фэйрфакс изо всех сил старался не замечать запаха.

– Миссис Шоркум, я Кристофер Фэйрфакс.

Она слегка повернула голову:

– Спасибо, что согласились прийти, преподобный отец.

– Я не мог поступить иначе. Когда вы в последний раз причащались?

– Да уж пару недель тому как. – Голос был совсем слабым. Фэйрфаксу пришлось наклониться, чтобы расслышать ее. – Прямо перед тем, как отца Лэйси убили.

Он ободряюще улыбнулся больной:

– Его не убили, миссис Шоркум. Его смерть была трагической случайностью, честное слово.

– Нет, сэр, его убили черти в лесу. А ведь я предупреждала его, сэр, чтоб не ходил туда. Я ему говорила! – Женщина явно разволновалась. – Я видала их, когда была девчонкой.

Она попыталась приподняться.

– Ну как бы там ни было, теперь он покоится с миром. Не волнуйтесь так.

Не очень понимая, чего именно от него ожидают, он разложил на столе облатки и вино и раскрыл свой молитвенник.

– Вы готовы вкушать Тело Господне? – Он устроился перед постелью. – Помолимся все вместе? Господь, всемогущий и вечно сущий, творец рода человеческого, исправляющий тех, кого Ты любишь, и карающий всех, кто предстает перед Ним, молим Тебя, не оставь милостью своей болящую рабу Твою Матильду, даруй ей терпение смиренно переносить недуг и исцели ее от немощи, если будет на то Твоя воля.

Женщина была слишком слаба, чтобы проглотить облатку. Фэйрфакс обмакнул палец в вино и смочил ее растрескавшиеся губы. Когда обряд был закончен, она положила свою перебинтованную руку поверх его руки и закрыла глаза.

Остаток утра они переходили из дома в дом, исполняя обязанности, которые прежде лежали на отце Лэйси и которые целую неделю после его гибели никто не исполнял: навещали больных и обездоленных. Роуз точно знала, куда его вести, и проворно передвигалась между дворами, ныряла в узкие улочки, приподнимала веревки с сохнувшим на них бельем, чтобы он мог пройти.

Последующие часы слились для него в бесконечную череду грязных постелей, рыдающих пучеглазых детей, полутемных комнат, отвратительных запахов, нечистот и соломы, собак, кошек, свиней и кур, бродящих туда-сюда. Он причащал, выслушивал еле слышные признания, произносил слова утешения, принимал скромное угощение – воду, чай, хлеб – всякий раз, когда его предлагали. Не потому, что ему этого хотелось, нет, видит Бог, он с трудом сдерживался, чтобы не кривиться всякий раз, когда делал глоток, но из опасения обидеть людей отказом. Все это время он понимал, что Роуз наблюдает за ним, и отдавал себе отчет в том,

что поступает так не только из чувства долга, но и ради ее одобрения. Пусть она увидит, что он серьезный человек, а не какой-нибудь молодой фанатик, возражающий против того, чтобы она выходила из дому без сопровождения, или равнодушный богослов из большого города, брезгующий бедными. Это было абсурдно, но факт оставался фактом: в тот момент для него было важнее хорошее мнение о нем простой деревенской девушки, нежели умудренного жизнью могущественного епископа.

Когда все облатки были использованы, а фляга с вином опустела, они вернулись по залитым водой переулкам на главную улицу и перешли по мосту на другую сторону. На этот раз девушка шла рядом с ним, а не впереди. Фэйрфакс счел это знаком расположения и, когда они поравнялись с церковью, сказал:

– Спасибо тебе, Роуз, за помощь. Сегодня утром я чувствовал себя ближе к Богу, чем на протяжении многих месяцев. – Девушка никак не отреагировала, и он продолжил говорить в пустоту: – Кроме того, я чувствовал сродство с отцом Лэйси. У меня было ощущение, что в этих убогих лачугах витает частица его духа. Он был хорошим пастырем, теперь я это вижу. Поистине святым человеком, кто бы что ни говорил про него в деревне.

Роуз посмотрела на него и поджала губы, точно была не вполне с ним согласна. Но Фэйрфакс списал это на игру своего воображения.

Когда они дошли до дома священника, она знаком велела ему идти не через парадную дверь, а через боковую. Деревянная калитка в серой каменной стене вела в небольшой хозяйственный двор. Там располагались огород, сад, курятник и дощатая уборная, которых он не заметил в темноте позапрошлой ночью. Все это содержалось в безукоризненном порядке. В небольшом загоне, за оградой из жердей, щипала сочную травку бурая корова. После дождя воздух был чистым и свежим. Вдалеке блестели в лучах солнца рощи и холмы.

Ворота конюшни делились надвое по горизонтали. Верхние створки были распахнуты, и оттуда выглядывала Мэй. Роуз потерлась бледной щекой о серую морду кобылы, промычала что-то успокаивающее – Фэйрфакс впервые услышал звук, исходящий от нее, – и потрепала лошадь за ухо. Потом открыла нижнюю дверь. Пройдя мимо кобылы, она вернулась с седлом Фэйрфакса в руках, прислонила его к стене и вновь скрылась внутри.

Он устремил взгляд на холмы. Разумеется, девушка была права: следовало немедленно отправляться в обратный путь, пока вновь не разыгралась непогода и не отрезала ему дорогу. И тем не менее Фэйрфакса задело то, как неприкрыто она демонстрировала свое желание спроводить его. Послышался шелест сметаемой соломы. Фэйрфакс подождал некоторое время, но Роуз так и не появилась, и он зашел в конюшню. Девушка только что закончила расчищать пятачок в дальнем углу стойла. Отставив в сторону метлу, она опустилась на колени и принялась вытаскивать из стены кирпичи, аккуратно складывая их. Затем сунула в отверстие руку и вытащила один за другим четыре больших плоских предмета, завернутых в старинную пластиковую пленку черного цвета.

Глава 8

Книги выдают секрет

Роуз шла впереди, проверяя, свободен ли путь. Прежде чем открыть заднюю дверь, дверь кухни и, наконец, дверь, ведущую в кабинет, она ненадолго останавливалась и прислушивалась. Свертки казались тяжелыми, как могильные камни. Фэйрфакс нес их, неловко прижимая к груди, и с облегчением сгрузил на стол. Ему уже было не по себе, словно он оказался втянут в какой-то заговор. Тем не менее он осторожно прикрыл дверь, чтобы не шуметь, и понизил голос:

– Я так понимаю, это и есть те самые приходские книги?

Взгляд широко раскрытых глаз девушки был прикован к его лицу. Она кивнула.

– Но зачем их унесли в конюшню? Это ты их спрятала?

Она энергично замотала головой.

– Значит, это был священник?

Неохотный кивок.

– С твоей помощью?

Она затрясла головой.

– Но ты видела, как он это делал?

Кивок.

– Он знал, что ты за ним наблюдаешь?

Она еле заметно сузила глаза и закусила губу, потом медленно, со слегка виноватым видом, покачала головой.

– Значит, ты видела, как преподобный выносил их из церкви, а он об этом даже не догадывался? Это было задолго до его смерти?

Она подняла вверх палец.

– За неделю до этого?

Она продолжала в упор смотреть на него.

– За день?

Она кивнула.

– В день его смерти?

Снова кивок.

– Но это же пугающее совпадение! – Фэйрфакс запустил руку в волосы, потом потянул себя за бородку, пытаясь осознать значение этого факта. – Зачем ему надо было прятать книги? – Он переформулировал свой вопрос. – Его что-то тревожило?

Она пожала плечами и снова покачала головой.

– Подумай хорошенько, Роуз. – Он наставил на нее палец. – Это очень важно. Отец Лэйси ничем не был расстроен?

Она сосредоточенно наморщила лоб, потом сложила вместе большой и указательный пальцы и повернула их по часовой стрелке. Ей пришлось повторить эту пантомиму еще пару раз, прежде чем до него дошло.

– Он сменил замки в дверях?

Она кивнула.

– Ты не замечала в деревне никого чужого?

Вновь поднятый вверх палец.

– Одного? Мужчину? Когда?

Она указала на приходские книги.

– В тот день, когда он спрятал их?

Кивок.

Не успел Фэйрфакс задать следующий вопрос, как в дверь дома громко забарабанили.

– Вы ждете гостей?

Роуз помотала головой. Оба как по команде вскинули глаза к потолку. Агнес спускалась по лестнице.

– Предлагаю не говорить обо всем этом миссис Бадд – хотя бы пока. У нее и так забот полон рот.

Она горячо закивала.

– Спасибо, Роуз. Ты правильно сделала, что все мне рассказала.

Фэйрфакс открыл дверь и вывел ее в коридор.

На ходу вытирая руки о фартук, Агнес спустилась с последней ступеньки. Она заметила их, и на ее лице промелькнуло удивленное выражение, сменившееся – по крайней мере, Фэйрфаксу так показалось, – подозрением. Но тут снова раздался стук, и она поспешила открыть входную дверь.

Дверной проем перегородили могучие плечи Джона Хэнкока. Он снял шляпу – поношенную, в форме пирога, с зеленым попугайчим пером за ободом – и поклонился.

– Утро доброе, Агнес. Священник тут? – Он выпрямился в полный рост. – А, вижу. – Не дожидаясь приглашения, он шагнул через порог. На нем были плотный коричневый сюртук и старые сапоги, заляпанные грязью. В правой руке он держал стек. – Доброе утро, преподобный отец! Я слышал, вам вчера вечером пришлось вернуться.

– Так и есть, капитан Хэнкок. Дорогу полностью завалило. Надо было послушаться вашего совета и выезжать раньше.

– Ну что уж теперь-то. У меня для вас хорошая новость. Мои люди расчистили дорогу, так что можете ехать, когда пожелаете.

– Быстро вы справились.

– Я отправил туда дюжину самых крепких ребят, как только рассвело. Могу самолично вас проводить, коли пожелаете.

– Спасибо, не хочу вас утруждать.

– А вы и не утруждаете. Я все равно поеду обратно этой дорогой. Только рад буду. Если вы согласитесь сделать небольшой крюк, я могу показать вам свою мануфактуру.

– Вы держите мануфактуру? Я думал, вы человек военный.

– Был в молодости, а теперь я суконщик. На меня работают пятьдесят человек, а наше сукно – самое лучшее во всем графстве. Поехали, сами увидите. Я настаиваю.

– Предложение в высшей мере заманчивое, сэр, но меня здесь задерживают кое-какие дела, которые необходимо завершить перед отъездом.

– Дела? – переспросил капитан Хэнкок с таким видом, будто счел заявление Фэйрфакса крайне забавным. – И что же это за дела, позвольте поинтересоваться?

– По церковной части.

– А! По церковной части? Вот, значит, как? – Хэнкок хлестнул по голенищу сапога стеком и покрутил головой из стороны в сторону, точно надеялся обнаружить препятствия к немедленному отъезду Фэйрфакса и устранить их. Но тот стоял на своем, и капитан в конце концов сдался. – Что ж, предоставляю вам добираться самостоятельно. Но я бы на вашем месте не слишком медлил, если хотите поспеть в Эксфорд до комендантского часа. С тамошними шерифами шутки плохи. Дамы... Фэйрфакс...

Он прикоснулся к виску кончиком стека, кивнул, надел шляпу и зашагал по дорожке.

Фэйрфакс проводил его взглядом:

– Похоже, он куда-то спешит.

– Джон Хэнкок даже на свет появился в спешке, – сообщила Агнес, закрывая дверь, – и умрет тоже. Так, моя милая, – обернулась она к Роуз, – я знаю, где ты провела все утро, но тут

дела тоже ждать не будут. Сходи-ка и принеси посуду из церковной пивной да перемой ее всю, для начала. А вы, преподобный отец, не желаете перекусить?

– Вы очень добры, миссис Бадд, но, боюсь, я должен последовать совету капитана Хэнкока и поспешить с отъездом. Вот только доделаю кое-что в кабинете.

Оставшись один, Фэйрфакс закрыл дверь, сел за стол, взял в руки сверток, который лежал сверху, и принялся внимательно его разглядывать. Стало ясно, что приходскую книгу положили в большой черный пластиковый мешок и несколько раз обмотали его вокруг содержимого – для надежности. На этот раз он без колебаний развернул фолиант и вытащил его. Любопытство разыгралось до такой степени, что ему не терпелось узнать побольше. Толстый кожаный переплет, замочек из потускневшей от времени меди в виде трилистника. Когда-то давно, много лет назад, книгу залили водой, и, открыв ее, Фэйрфакс вдохнул терпкий запах прошлого: смесь плесени, пыли и каких-то еле уловимых ноток, кажется, ладана. Чернила выцвели и стали бледно-рыжими – лишь немногим темнее пожелтевшего пергамента, на котором были сделаны записи. Он зажег свечу, чтобы лучше видеть. Шрифт был угловатым, с длинными остроконечными хвостиками, расшифровывать его было сложно. Местами буквы стали невидимыми. Но Фэйрфакс все же кое-как разобрал написанное.

Maius IV sepultus MDXCVII antequam nascantur morienium filius Francis
Tunstall, Agricola, et uxor Jane

VIII Iulii MDXCIX, et accepit Thomam Ann Shaxton Turberville de hac
parochia

Ianuarii Robynns Nicolaus IV baptizatus MDCIV Aliciam filiam Rogeri
Halys, Agricola, et uxorem, Margaritam, natus December XXXI MDCIII

Латынь была возрождена Церковью, став еще одним бастионом в борьбе против наукопоклонничества, так что слова и правила склонения в семинарии в Фэйрфакса вбили намертво, и, как только он уловил логику сжатого стиля, дело пошло споро.

Похоронен 4 мая 1597 мертворожденный сын Фрэнсиса Тунсталла,
крестьянина, и его жены Джейн

Обвенчаны 8 июля 1599 Томас Турбервилль и Энн Шекстон из этого
прихода

Крещена 4 января 1604 Элис дочь Николаса Робиннса, крестьянина, и
его жены, Маргарет, рожденная 31 декабря 1603

Все даты указывались в соответствии с календарем, который был в ходу до Апокалипсиса, а значит, книге было не меньше тысячи лет. Если не считать перерыва в 1640-е годы, она исправно заполнялась – Фэйрфакс различил десятки разных почерков – вплоть до начала девятнадцатого столетия по хронологии древних.

Фэйрфакс отложил ее в сторону и раскрыл следующую. Она оказалась в точности такой же, только без замка, и кроме того, записи, сделанные более яркими черными чернилами, были четче.

Похоронен 4 октября 1803 года Уильям Джордж Перри, сын Джорджа,
кузнеца из Эддикотт-Сент-Джорджа, и Каролины, возраст 14 лет, утонул,
двойной тариф

Он переворачивал плотные страницы, и перед его мысленным взором разворачивалась картина жизни прихода. Одни и те же фамилии, снова и снова. Крещен – обвенчан – похоронен. Крещена – обвенчана – похоронена. Эти скупые фразы напомнили Фэйрфаксу человечков из палочек, которыми он играл в детстве. Ни слова о том, кем эти люди были, что думали и чувствовали, как выглядели.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.